ДЕВЯТЬ БОГОВ · ПРИКВЕЛ

ВААРГУТ И ДЕВЯТЬ

ВЛАДИСЛАВ КОВАЛЕВ

Владислав Ковалев

Вааргут и Девять

«Автор»
2026

Ковалев В. А.

Вааргут и Девять / В. А. Ковалев — «Автор», 2026

Ремек вернулся домой, и война за реку закончилась, но мир на ней не наступил. Заложников с обоих берегов надо вывезти, жалобы разобрать, а пропавших найти. Старый бог Долга и Меры собирает сторонников у своих ворот.Морвен когда-то служил Вааргуту. Теперь ему придётся принять сдачу хозяина, пообещать ему честный суд и самому решить, где держать бога, которого нельзя отпустить и нельзя казнить. За ним по-прежнему числится долг, о котором он никому не говорит.А за плитой у старой арки ждёт Пантеон. Девять человек, которые держали реку, должны решить, кто из них возьмёт силу старых богов, за что каждый готов отвечать и что будет с теми, кто останется на берегу.Вторая книга приквела к циклу «Девять богов» — о том, как люди стали богами и какую цену за это заплатили.

© Ковалев В. А., 2026
© Автор, 2026

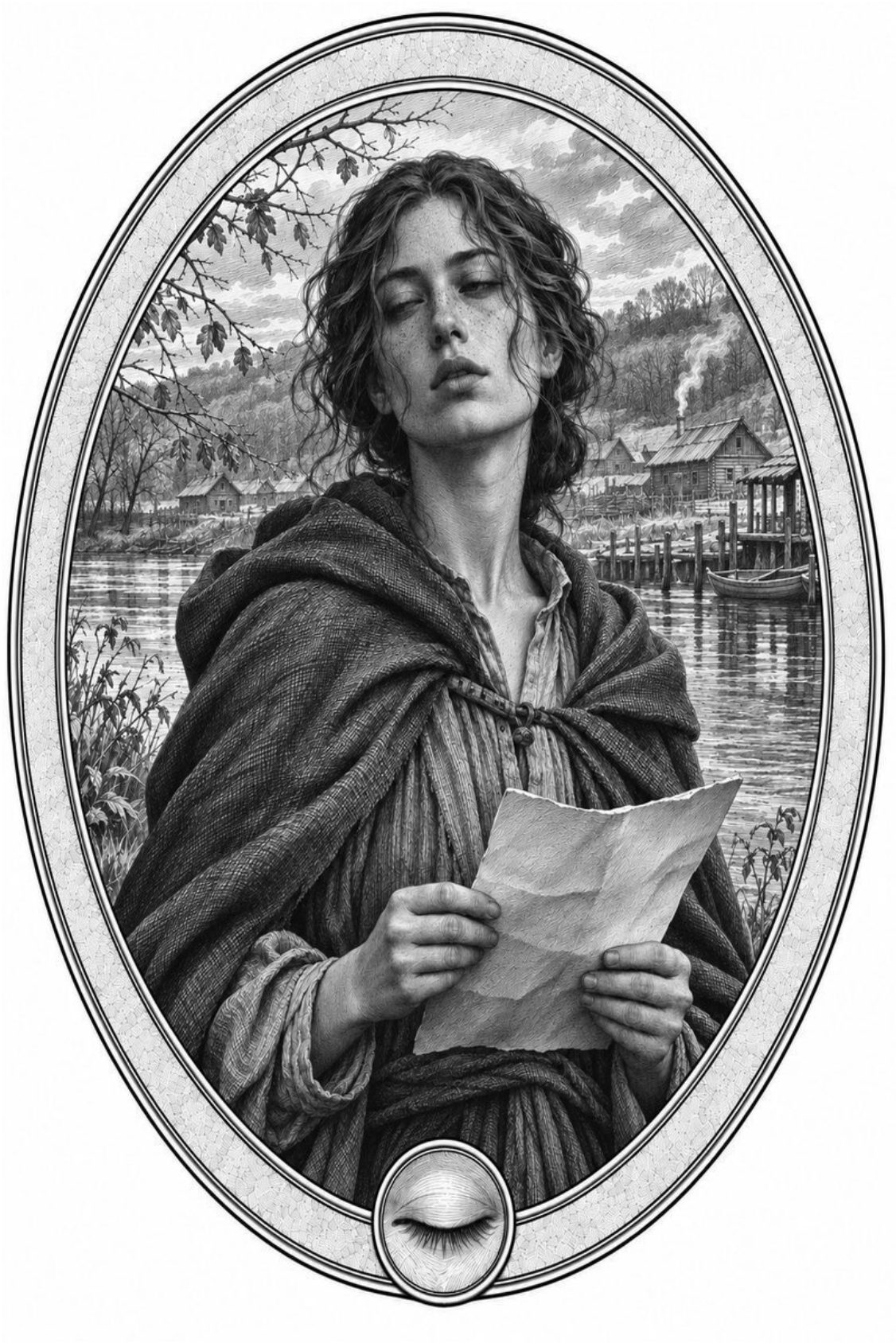
Содержание

Те, кого назовут Девятью 5
Двое у ворот Вааргута 13
Старые боги 16
Действующие лица 19
Часть первая 24
Глава первая 26
Глава вторая 41
Глава третья 55
Глава четвёртая 70
Г 84
Конец ознакомительного фрагмента. 85

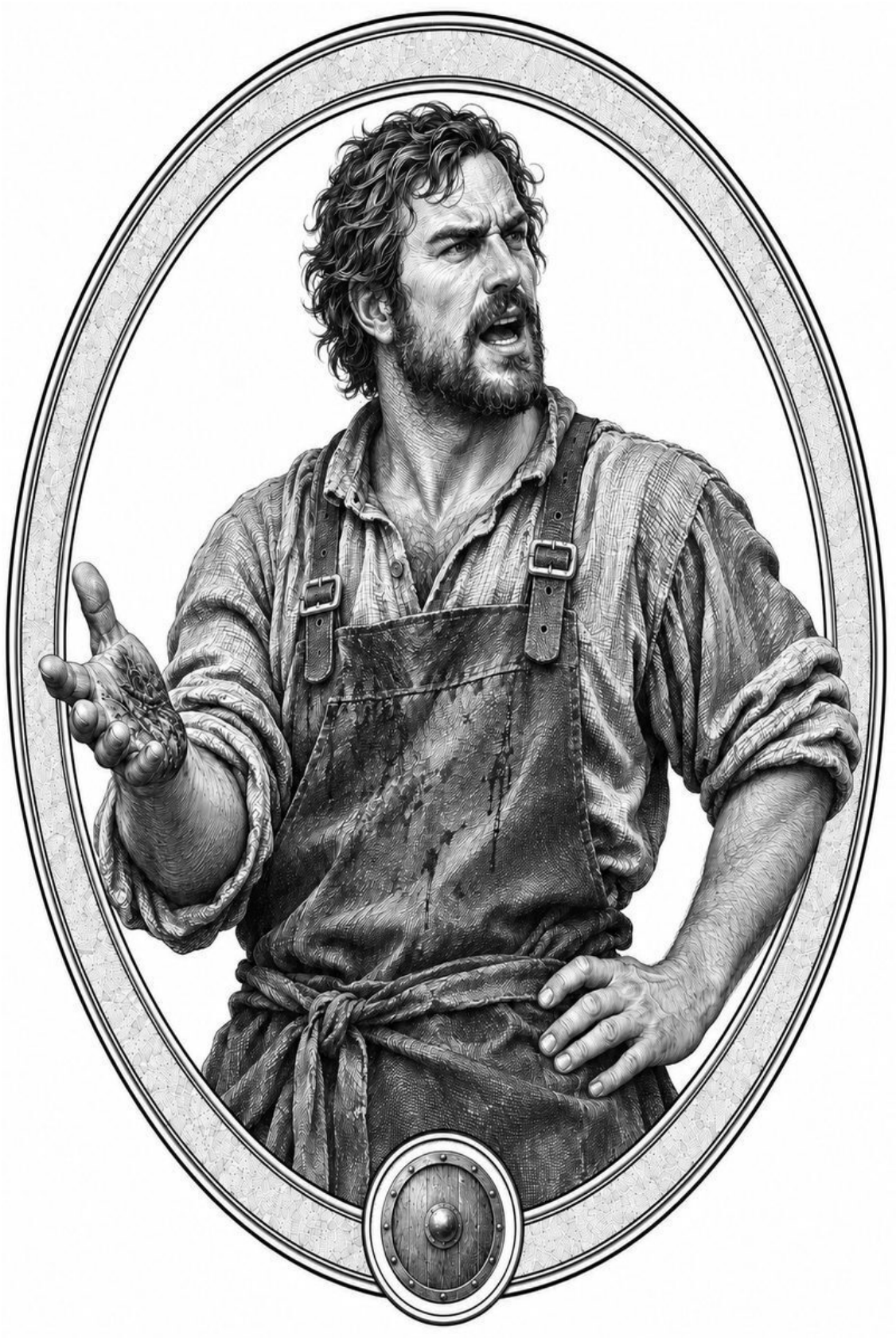
Вааргут и Девять

Те, кого назовут Девятью

пока ещё люди

Лиэна
свидетельница с ближнего берега
Просыпается раньше тревоги

Дейрон
смолокур с верфи
Спорит, пока не окажется прав

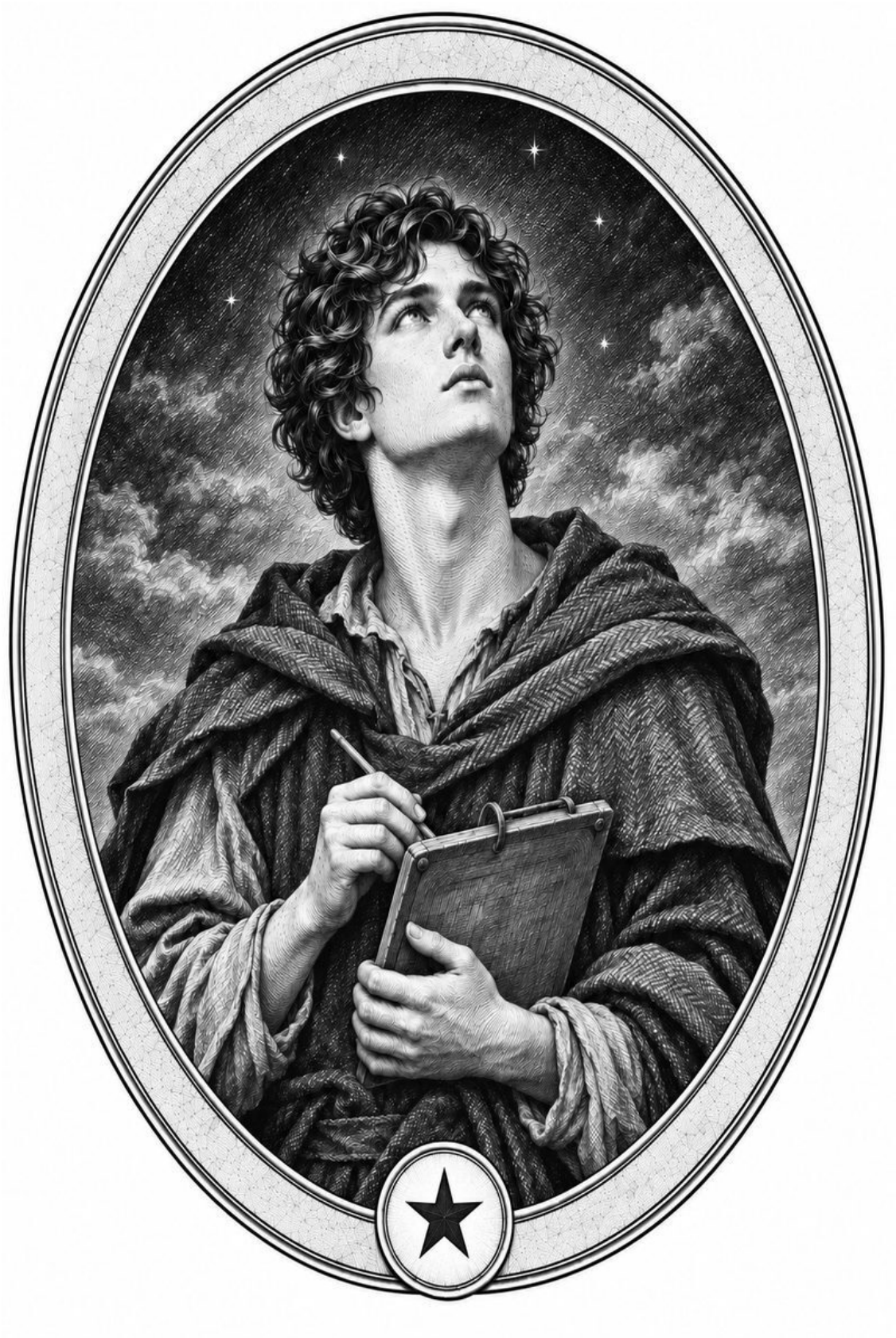
Сивель
принимает вывезенных
Сначала сухая рубаха, потом вопросы

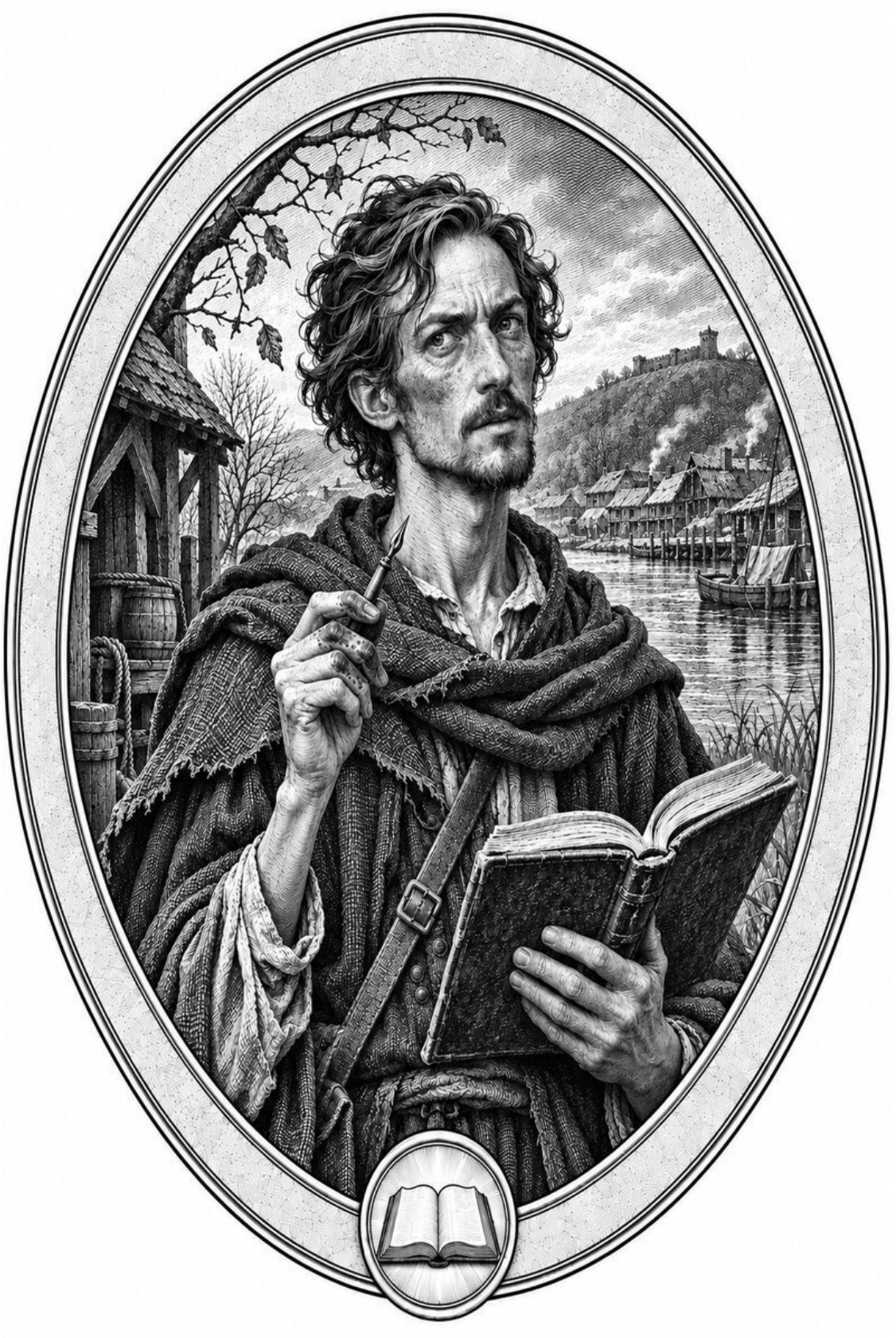
Грамнар
каменщик с каменоломни
Слушает землю ладонью

Ориан
знает течения реки
Слышит, куда идёт вода

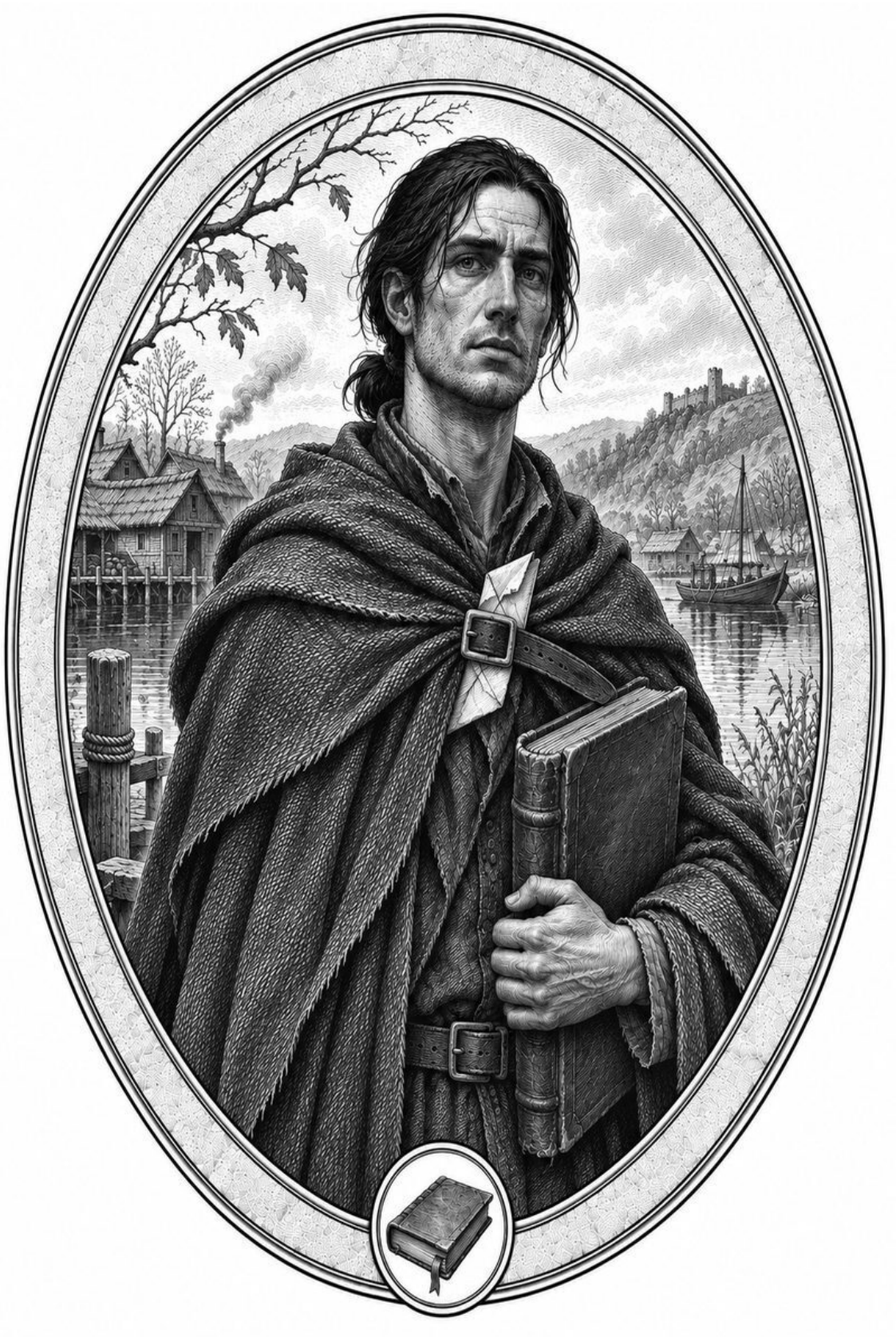

Астэр
сверяет старые отметки
Смотрит вверх чаще, чем под ноги

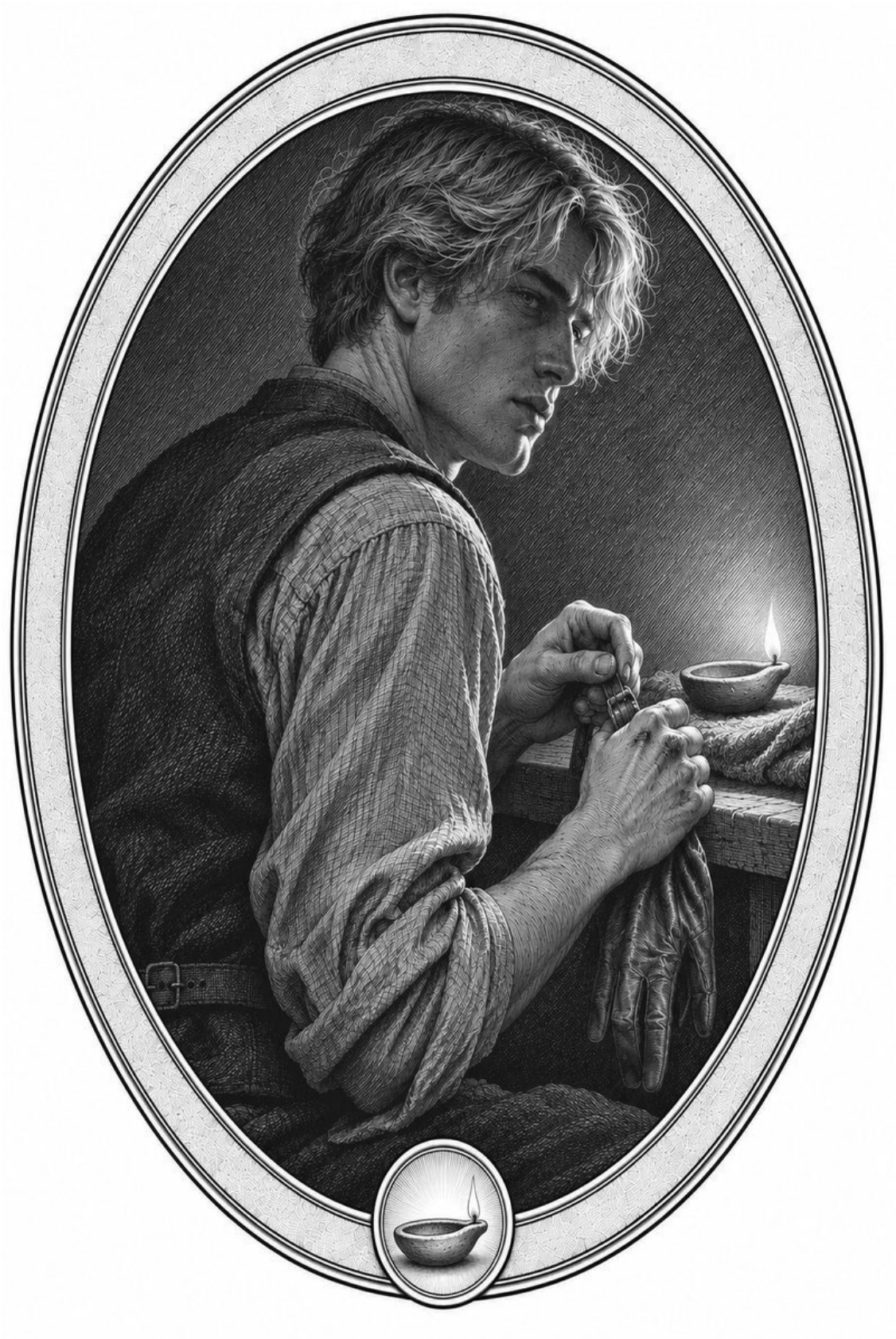

Иллен
записывает показания
Переспросит — и ты сам поправишь неправду

Двое у ворот Вааргута

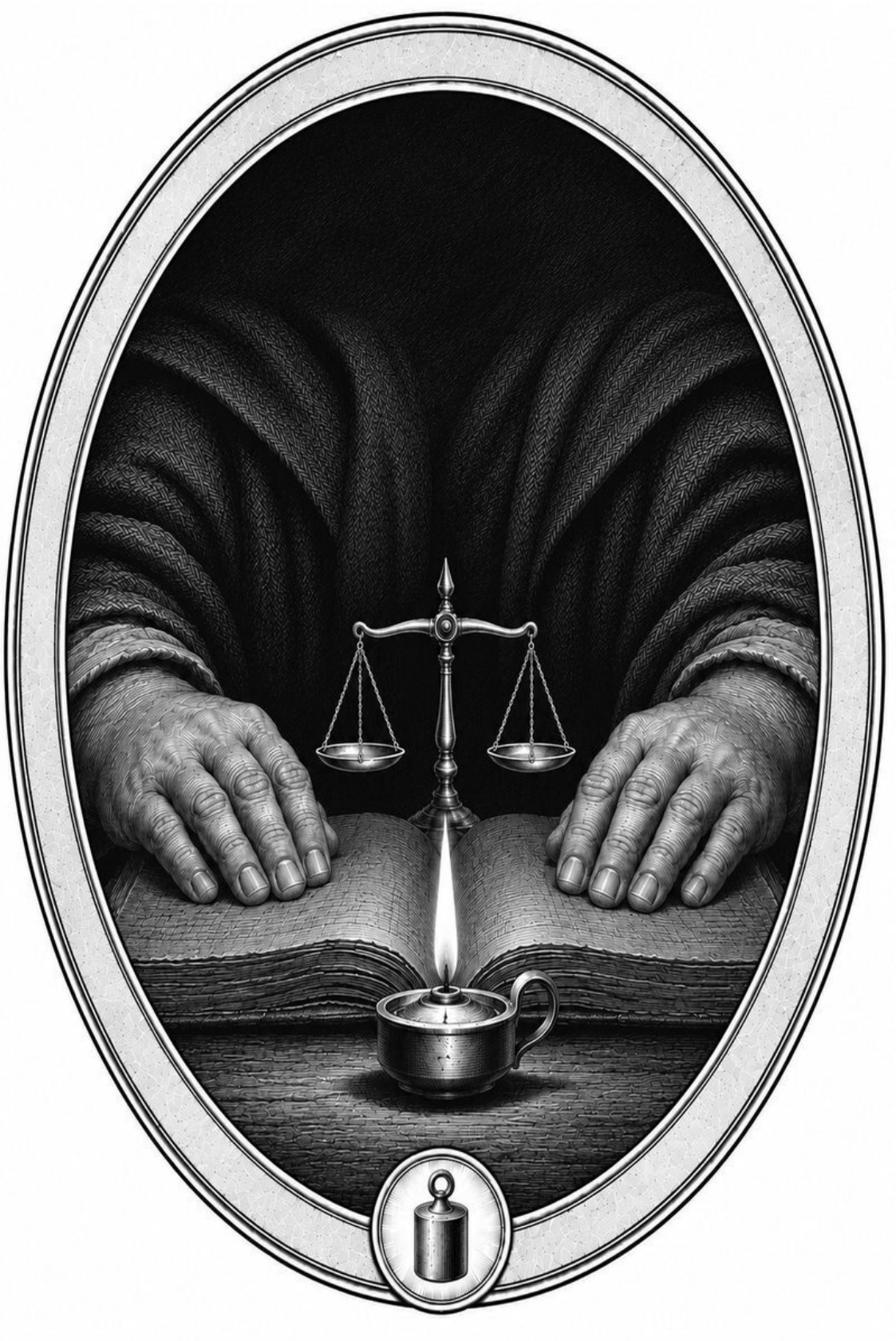
Морвен
ведёт книгу у ворот
Обещал вернуть Ремека домой

Элиар
служит вместе с Морвеном
Рядом с ним теплее

Старые боги

те, что были до них

Вааргут
бог Долга и Меры
Всему на свете есть мера

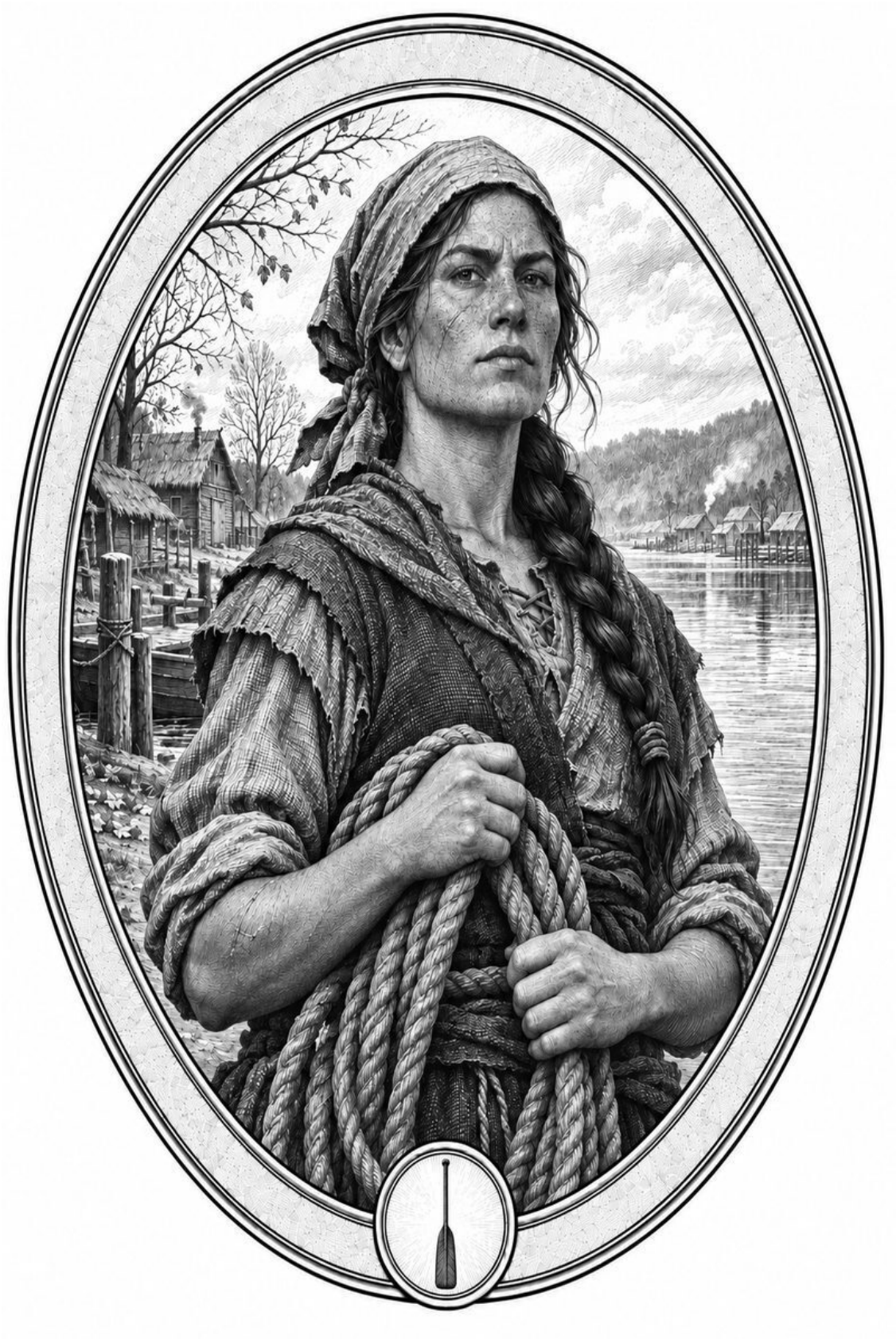

Кардун
бог дальнего берега
Под его знаком нечем дышать

Действующие лица

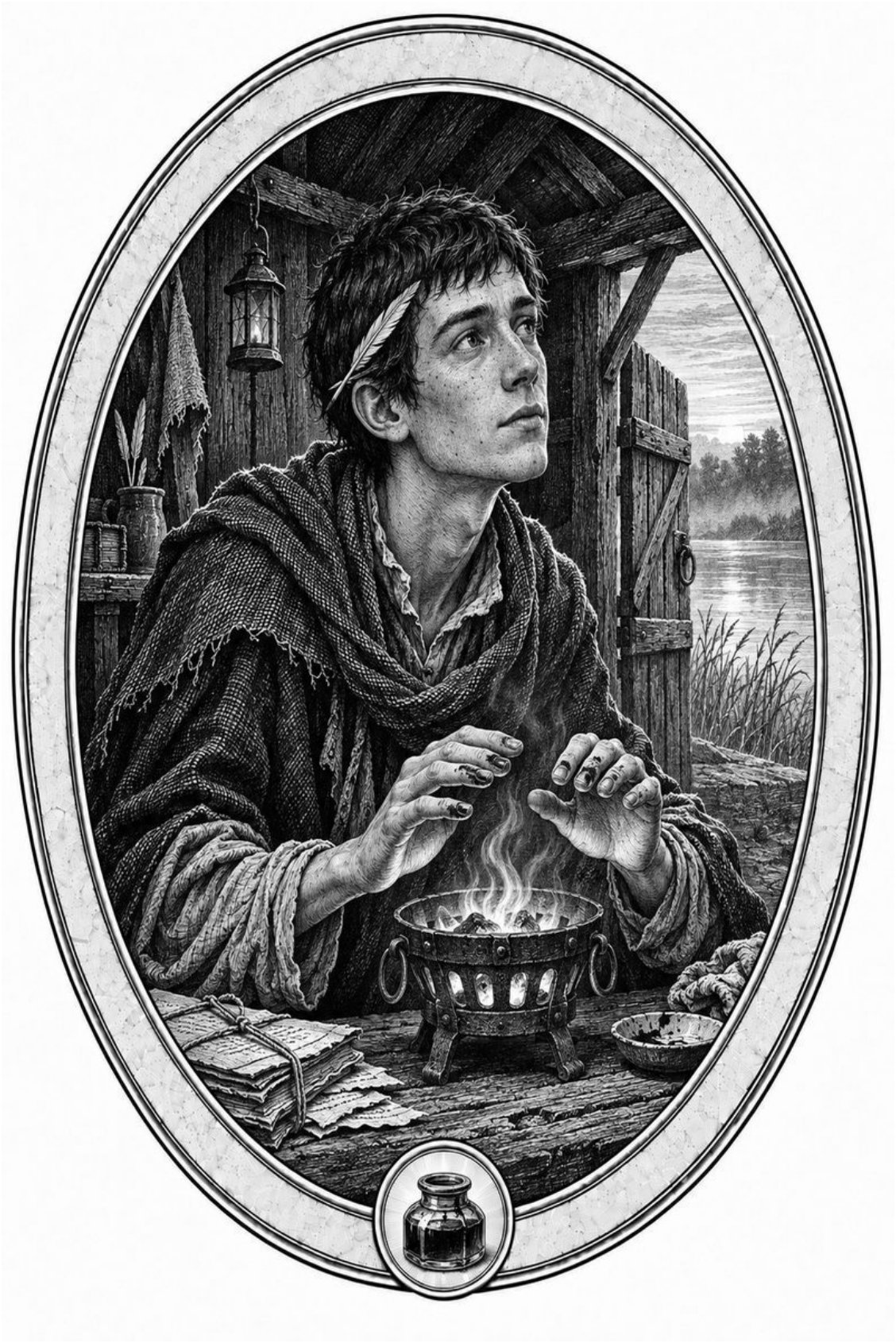
Ремек
перевозчик
Считает гребки до ста

Нерса
лодочница, сестра Ремека
Посчитает с воды

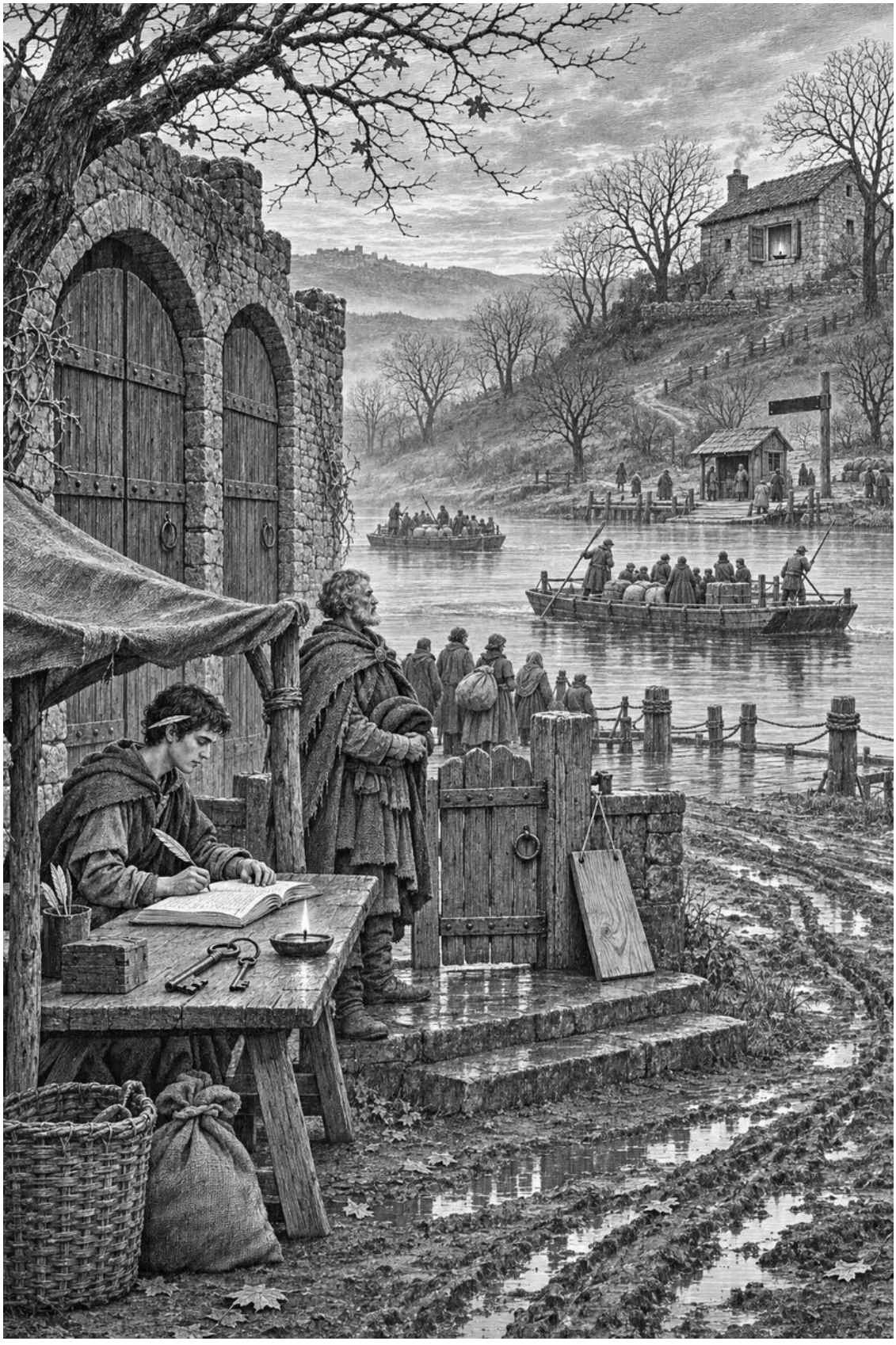

Хаден
мастер старых ходов
Начертит то, чего никто не видел

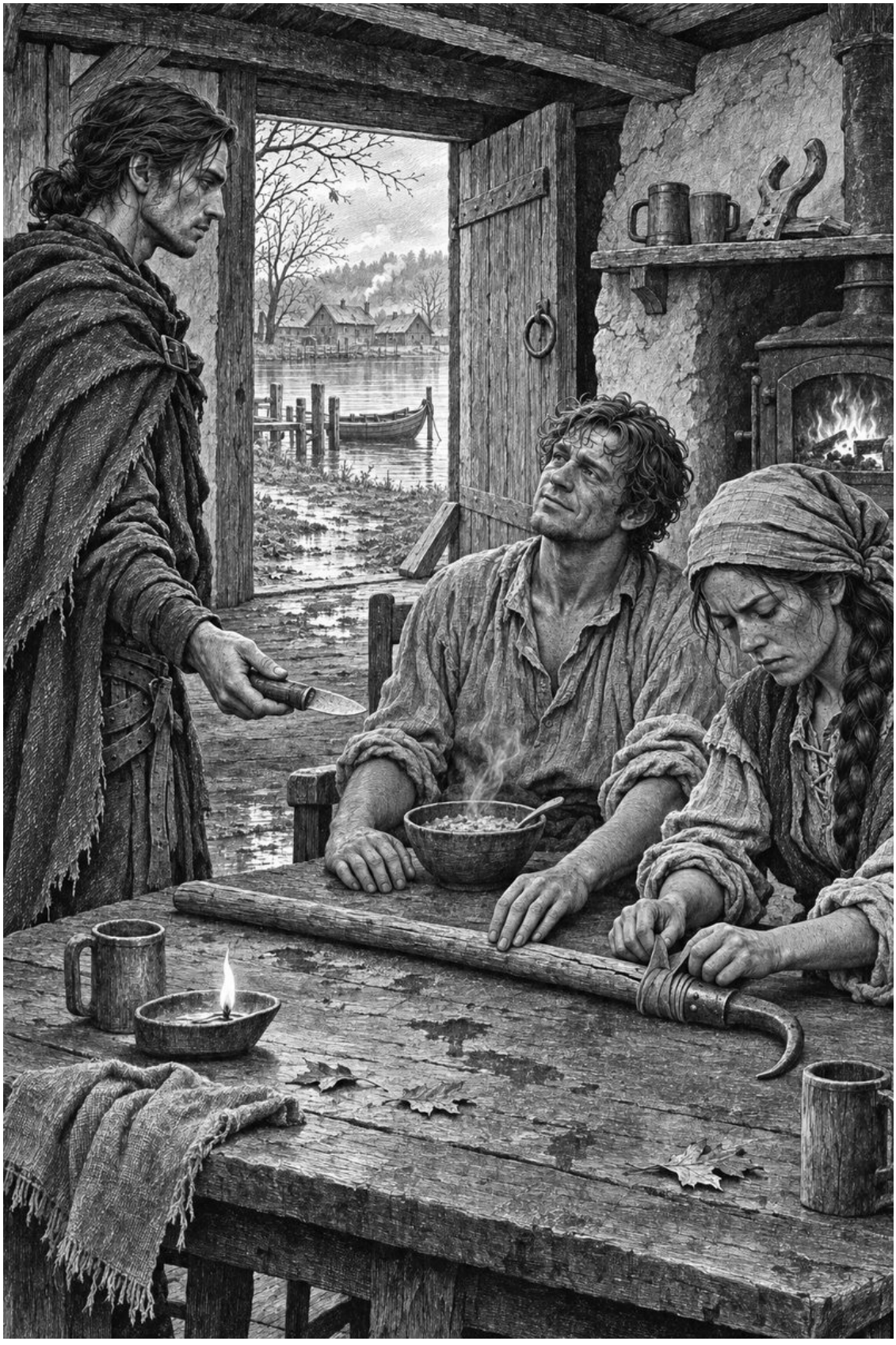

Вейн
писарь у ворот
Учился грамоте на мокрой доске

Часть первая
Пока ходят лодки

Глава первая
Связка ключей

Морвен. Ближние ворота и дальний спуск, на другое утро после возвращения Ремека.

Старший ближнего караула подошёл к писарскому столу передать ключи. Большой, который Вейн оставил у тетради, он придвинул к Дейрону. Малый ещё держал за кольцо. Рядом с Дейроном стоял мальчик с мокрой рукавицей. Его послали от мельницы узнать, можно ли везти муку. Он посмотрел на ключи и спросил, к кому теперь идти за разрешением.

Морвен заметил, что старший не сразу отпустил кольцо. В ночь вывоза, когда Вааргут велел открыть створки, этот человек стоял у столба и повторял каждому, что до утра здесь можно пройти. Малый ключ он оставлял у себя, пока Вейн держал большие створки открытыми для рейса.

— Вааргут оставил большой писарю на один рейс, — сказал старший. — Сегодня отдаю его тебе. Малый от калитки. Если к ночи людей не найдёте, кто у воды останется?

— Двое, — сказал Дейрон. — Один с Соляной, другой с дальнего причала.

— Дорогу от воды к калитке он знает?

— Сейчас покажу.

Старший положил малый ключ рядом с большим. Мальчик от мельницы отодвинул свою рукавицу, чтобы не намочить тетрадь.

— Так к тебе идти? — спросил он Дейрона.

— Про рейс спроси гребца, он у нижней ступени. Если не пустят с мукой, возвращайся сюда и назови того, кто остановил.

Мальчик пошёл прямо к воде, не заходя в будку. Морвен смотрел ему вслед.

Новые сменщики долго возились с малым ключом. Он входил до половины и застревал. Старший Вааргута постоял у выхода, потом всё-таки вернулся, сунул шапку под мышку и придержал нижний угол створки. Ключ вышел без задержки.

— Вот тут она камень задевает, — сказал старший. — По ночам эту сторону размывает. Будешь ждать у столба в темноте, решишь, что кто-то держит дверь изнутри.

Человек с Соляной обошёл калитку и попробовал закрыть её со стороны воды. Оттуда ключ пришлось бы просовывать в щель.

— Зачем тогда его наверху держать? — спросил он. — Пусть у того, кто лодку принимает.

— А если вы оба к лодке отойдёте? — спросил Морвен.

— Писаря позову.

Вейн высунулся из-за двери, услышав про себя.

— Если я от тетради на каждый стук бегать буду, мне вещи прямо у воды начнут отдавать. Вчера у ступени так лист с именами намочили. Я его до сих пор сушу.

Дейрон велел второму сменщику оставаться наверху, пока первый принимает лодку. Человек с Соляной попробовал ключ ещё раз и справился сам. Старший ушёл только после того, как услышал щелчок. У самого выхода обернулся.

— Вааргуту я сам скажу, кто теперь открывает. Мне эти ключи в руки дал он.

Дейрон положил ключи рядом, большой слева, малый справа. Из тетради выскользнул узкий лист с числом рейсов. Морвен поднял его. На одной стороне Вейн вписал вчерашние мешки. На другой кто-то начал считать вёдра, оставленные при сарае. Вейн хотел свернуть лист вместе с тетрадью.

— Оставь у лампы, — сказал Дейрон. — Сегодня за вещами пойдут. Будут показывать на пустую ступень и спрашивать. Пусть у стола знают, что уже нашли.

Вейн поднёс перо к свободному месту у дневных имён.

— Этих писать?

— Только тех, кто назвал час. Остальных потом.

С утренней грузовой лодкой пришли две женщины. Они возвращались за вёдрами, которые оставили у ближнего сарая в ночь вывоза. Одна сразу пошла к сараю. Вторая задержалась у жерди с тряпичным свёртком в руке. Морвен решил, что в свёртке деньги, пока женщина не развязала узел. Внутри лежал ключ от дома.

— Муж сказал, покажи, где живёшь, — объяснила она. — На том берегу спросили, куда иду. Я показала.

— Ключ неси домой, — сказал Морвен. — Назад пойдёшь одна, скажи гребцу, у какого сарая садилась.

Женщина завернула ключ. У сарая нашли её ведро и ещё одно, чужое, с вмятиной от печного камня. Своё она узнала по ободу. Чужое оставила у стены.

— Может, за ним ещё придут, — сказала она Вейну. — Я его давала женщине с ребёнком в ту ночь. С тех пор ни её не видела, ни ребёнка.

Вейн вывел на листе первую строку и зачеркнул первую букву. Ведро осталось у стены, под лавкой.

К ступени спустился караульный Вааргута с ремнём в руке. Плащ он уже снял. Дейрон показал ему список смен. На дальнем берегу до вечера не хватало двоих, знающих верхнюю дорогу. Караульный прочёл имена, поджал губы.

— Меня через реку без копья возьмут?

— Возьмут, — сказал Дейрон. — Покажешь дорогу. Люди с копьями уже там.

Перед отходом Морвен слышал, как караульный называет гребцу своё имя. Гребец его знал и всё равно дослушал.

Мальчик с мельницы вернулся от воды. Гребец согласился взять ещё один мешок, если его принесут к полудню.

— А обратно меня кто увезёт? Я вчера до темноты на том настиле сидел. Мать велела лошадь домой привести, пока дорогу совсем не развезло.

— С грузом идёшь? — спросил Морвен.

Мальчик кивнул.

— Тогда назови при писаре, где выйдешь обратно. Пусть гребец слышит.

Мальчик назвал двор, где его ждала мать, и подождал, пока гребец снизу повторит, у какой ступени его высадят. Только после этого побежал к мельнице.

На воде кто-то крикнул, что лодку с мукой тянет у свай. У калитки задело веслом по доске. Человек с Соляной стоял у спуска и подал второму сменщику руку, чтобы тот спустился к лодке. Держать створку было некому. Морвен придержал её сам, пока лодку не оттянули от сваи и она снова не сравнялась со ступенью.

Дейрон вышел к калитке.

— Когда подадут сразу две, кто наверху останется?

— В такой воде одному у борта делать нечего, — сказал сменщик с дальнего причала. Из рукава у него текло.

Дейрон посмотрел на Морвена.

— Оставишь здесь кого-нибудь на час?

— На час останусь сам. Потом надо к Ремеку.

Дейрон снял с колышка сухой конец, дал обоим и показал, как принять борт, чтобы верхний мог отпустить верёвку и открыть калитку. Морвен простоял у двери час. За это время один из сменщиков ни разу не спустился ниже второй ступени, а второй ни разу не поднялся выше. Так у них и пошло.

* * *

До Ремекова дома было столько же шагов, сколько вчера. Вчера от этого дома Морвен пошёл к пекарне на Крутом спуске, к жене Ирта, и рассказал ей у двери про водоносную тропу. Про дужку ведра, белую в темноте, и про руку, которой Ирт махал лодке. Она дослушала, не перебивая. Спросила только, кто снял петлю. Морвен сказал. Она кивнула и пошла в дом, а дверь оставила открытой, и Морвен так и не понял, звала она его или забыла закрыть.

У последнего поворота Морвен обошёл край забора, за который тогда боялся зацепиться крюком. Дверь была открыта. Багор стоял у стены. На полке у печи, рядом с кружками, лежала кривая уключина. Нерса подливала воду в горшок. Ремек сидел за столом и ел левой рукой. Ворот рубахи отставал у него от шеи на два пальца. Когда Морвен вошёл, Ремек упёр ложку черенком в край миски и кивнул на багор.

— Подай. Покажу, за что брался.

Морвен снял багор со стены и положил рядом с миской. Бечёвка за ночь съехала к самому крюку. Нерса отложила ковш и принесла из-под лавки полоску сыромятной кожи. Ремек придержал древко левой ладонью, пока сестра развязывала бечёвку. Правой попробовал вытянуть кожаный конец и дважды выпустил его.

— Дай сюда, — сказала Нерса. — Ты покажи, я затяну.

Ремек показал, где вести обвязку. Потом попросил Морвена принести снаружи острый нож. На колоде лежали два. Морвен взял тот, что был ближе, и вытер рукоять о край плаща. Вернувшись, увидел, что Ремек всё-таки взялся за кожу правой рукой. Пальцы дрожали, но он удержал её, пока Нерса обрезала лишнее.

— Сегодня опять повезут с обоих берегов? — спросил Ремек.

— Муку уже повезли.

— А людей кто возит?

Морвен назвал двоих гребцов у дальних сходней. Один прежде ходил с Ремеком. Второго прислал Дейрон из нижней деревни.

— У поворота ему править дают?

— Не знаю.

Ремек кивнул на багор, словно собирался идти и посмотреть сам. Нерса поставила багор к стене, туда, куда можно дотянуться с лавки.

— Вечером Сивель придёт, — сказала она.

— До вечера я дома, — сказал Ремек.

За дверью прошёл человек с пустыми мешками. Остановился у изгороди и окликнул Нерсу. Она взяла ковш, но с лавки не встала. Человек позвал снова, назвал свой двор и спросил, можно ли вынести на воду мешки, пока лодка ходит. Ремек отложил ложку. У него за спиной, на колышке, висел ремень от прежней лодочной скамьи. Он потянулся к нему, потом опустил руку.

— Его двор выше Соляной, — сказал Ремек. — Если несёт одни мешки, может идти с возчиком. Внизу у осоки дождётся, пока Нерса возьмёт.

— Так и скажу, — ответил Морвен.

— Я скажу.

Сидя Ремек не видел человека за изгородью. Он поднялся, придержался левой рукой за край стола и добрался до косяка. Пока Ремек говорил, человек сперва смотрел на Нерсу. Потом наклонился, поднял мешки и повторил, у какого места будет ждать. Ремек вернулся на лавку. Нерса отодвинула миску от края, чтобы он не задел её рукавом.

— Так и ходили прежде, — сказала она.

Ремек подвинул миску к себе.

— Кто ждёт у писаря?

— Мальчик с мельницы. Две женщины за вёдрами.

— Про меня никто не спрашивал?

— Никто.

Ремек вытер ложку о край хлеба.

— Если Иллен придёт, пусть сядет здесь. Покажу, куда у дома вынесли лавку в тот день, когда за мной послали. Дальше по памяти дороги не назову.

Морвен положил ладонь на спинку скамьи.

— Ты можешь сам его позвать, когда решишь.

Ремек не сразу взялся за ложку.

— Мальчик с мельницы до какого часа успевает с лодкой вернуться?

— Место ему обещали. Лошадь ждёт у матери.

Нерса сняла лишний крюк с кольца над горшком.

— Вчера эту лошадь вели домой через двор, где держали двух чужих, — сказала она. — Хозяйка тогда заднюю дверь открыла. Если сегодня мальчик тем же путём пойдёт, пусть ворота настежь не оставляет.

— Он знает, кому там крикнуть? — спросил Ремек.

Морвен ещё не спрашивал. Ремек подвинул к себе багор и приложил левую ладонь к обвязке. Там, где Нерса срезала конец, кожа выступала на толщину ногтя. Он хотел прижать её, но рука легла мимо и стукнула по столу.

— Покажи мальчику с мельницы, где встать у ворот, — сказал он. — Я потом сам туда дойду.

— Зачем тебе к воротам?

Ремек поднял голову.

— Потому что там сегодня спрашивают, кто вернулся. Я вернулся. Вейну скажу это сам. Он мне ещё за перевоз должен. Пусть видит, что есть кому отдавать.

Нерса фыркнула и отвернулась к горшку. Потом села на край лавки и отодвинула горшок от огня, пока ручка не перестала дрожать.

— Утром у двора я уже ответила двоим, — сказала она. — Один хотел нести весть матери, она ещё из дому не выходила. Второй просил показать бумагу, где стоит твоё имя. Ушёл, когда услышал, что хоронить никого не надо.

Ремек смотрел на дверь, пока она говорила.

— Если ещё раз придёт, впусти. Я сам спрошу, зачем ему бумага.

Нерса подняла обрезок кожи и свернула вокруг двух пальцев. Ремек протянул левую руку. Она отдала обрезок, не спрашивая, что он будет с ним делать. Он положил его рядом с миской.

— Элиару сказал? — спросил Ремек.

Морвен не ответил сразу. Он знал, о чём речь. Вчера у ковша Ремек сказал: «Скажи ему, что я про него ничего не сказал. Нечего было». Морвен тогда промолчал. Элиар второй день сидел у пней с Грамнаром, и Морвен этому почти обрадовался.

— Не видел его ещё, — сказал он.

— Увидишь — скажи. — Ремек помолчал. — Или не говори. Сам скажу. Мне не трудно.

— Скажу.

Ремек кивнул. Пока они сидели, тень от перекладины успела сдвинуться с косяка на стену. Ремек поднялся, дошёл до двери, подложил под створку щепку и оставил её приоткрытой.

Нерса вышла за Морвеном к изгороди. Ковш она так и держала в руке. Вода из него капала ей на башмак, и она этого не замечала.

— Он ночью не спал, — сказала она. — Сидел с рукой на колене и считал. Тихо, до ста, как на воде. Дойдёт до ста и сначала.

— Гребки считает.

— Знаю, что гребки. — Нерса вылила остаток воды под изгородь. — Что там с ним делали?

Морвен посмотрел на дверь. Щепка держала створку на ладонь.

— Пусть сам скажет.

— Мне он не скажет. Тебе сказал.

Морвен промолчал. Нерса подождала, потом кивнула, как кивают, когда гребец не отвечает с воды, а лодка всё равно идёт куда надо.

— Ладно, — сказала она. — Только ты его к Вааргуту больше не води.

— Не поведу.

— И к воротам его не тащи. Сам пойдёт, когда захочет. Ты слышал.

— Слышал.

Она повернулась и ушла в дом. Из-за двери Морвен услышал, как Ремек спрашивает, кто там был, и как Нерса отвечает: никто, Морвен.

* * *

Обратно к воротам дорога шла мимо дома Вааргута. Морвен мог обойти его нижней улицей. Не обошёл.

Калитка во двор была открыта. Ставня на окне тоже. В окне горела лампа, хотя солнце стояло высоко и в комнате и без неё было светло. Пламя стояло ровно, не колыхнувшись, будто его нарисовали. Вааргут сидел за столом у окна. Перед ним лежала тёмная книга. Он писал.

Морвен остановился у калитки. Он не собирался останавливаться.

Вааргут не поднял головы.

— Ключи отдал? — спросил он.

— Отдал. Старший твой отдал. Дейрону.

— Хорошо.

Перо двигалось. Морвен слышал, как оно скребёт по бумаге, хотя до окна было шагов десять.

— Ремек как? — спросил Вааргут.

Морвен помолчал.

— Ест левой.

Вааргут обмакнул перо и написал что-то короткое. Слова два, не больше. Посыпал песком.

— Что ты пишешь? — спросил Морвен.

— То, что есть. — Вааргут перевернул лист. — Иди. Тебя у ворот ждут.

Морвен постоял ещё. Вааргут больше не сказал ни слова и ни разу не поднял головы. Лампа горела. Когда Морвен отошёл от калитки, ему показалось, что спину ему греет, как от печи. Он не обернулся.

* * *

У ворот Дейрон передал связку дневной смене. Лодка с дальнего берега уже стала у настила. Мужчина с жердью пропустил за спину последнюю корзину и протянул жердь поперёк сходней. Внизу на досках стояла женщина с мешком. Рядом с ней Морвен узнал мальчика с мельницы. Мальчик шагнул вперёд. Жердь сдвинулась и прижала его к столбу.

— Она со мной, — сказал он. — Подвинь.

Мужчина не поднял жердь. Дальний конец застрял под скобой. Если отпустить ближний, жердь ударит мальчика по лицу. Морвен узнал сменщика с дальнего причала, которому утром показывали калитку. Подошёл, взялся за жердь ближе к скобе и приподнял. Мальчик отошёл к матери.

— У тебя один мешок был, — сказал потом сменщик мальчику. — Под два места просить надо было сразу.

— Нам одно, — ответила женщина. — Сын вернётся за лошадью. Муку я отвезу сама.

Сменщик показал Морвену на спуск. Там стоял высокий человек без шапки, второй ждал у стены.

— Вчера её муж нёс к нам расписку за зерно. Его не пустили через дальнюю будку. А сегодня те же двое провожают её с мукой. Вот и думай.

— Пусть сама скажет, кто они.

Женщина взяла мальчика за рукав и позвала высокого. Он ответил с дороги: муж ждёт за мельницей, у телеги. Довели её до воды, потому что она одна на дальний берег не ходила. Второй поднял руку с концом вожжей. Лошадь стояла за стеной.

— Обратно с кем пойдёшь? — спросил сменщик.

— С вечера там будет моя сестра. Скажи, куда прийти, я её позову.

Сменщик разжал руку на жерди. Тут из-за ворот вышел старший Вааргута. Он шёл без шапки и прижимал её к боку, будто так и не нашёл места, чтобы надеть. Люди у лодки отступили. Старший попросил женщину повторить, куда она идёт. Она повторила. Он спросил гребца, хватит ли места. Тот сдвинул ведро и протянул руку за мешком.

— Сегодня открывает он, — сказал старший женщине и кивнул на сменщика. — Иди, когда позовёт.

Женщина попросила гребца пристать к вечеру у дальнего сарая, чтобы им с сестрой дождаться его вместе. Гребец назвал час. Мальчик повторил его и побежал к лошади.

Старший остался у стены. Морвен подошёл.

— Тебя здесь после полудня ждать?

— Дейрону я сказал. Вечером меня у воды не будет.

— Вааргут велел вернуть людей?

— Спросил, кто велел открыть ворота. Сам же и ответил, что велел он. — Старший надел наконец шапку. — Если мои спросят, за кем идти на смену, отведу к нему. Сам услышу, что он им скажет.

— Назови мне их, — сказал Морвен. — Кто согласен стоять у ворот до вечера.

Старший посмотрел на сменщика, который подобрал жердь и положил у стены. Там, где жердь застряла в скобе, с дерева сошла кора.

— Завтра через Дейрона передам, — сказал он. — Смогу прийти показать калитку тем, кто останется.

Он прошёл вдоль стены и вышел к дороге. Высокий провожатый повёл лошадь к мельнице, мальчик шёл рядом и держал свободный конец вожжей. Женщина на корме ни разу не обернулась. Смотрела на дальний настил, где теперь ей надо сходить самой.

Дейрон стоял у столба и смотрел старшему вслед.

— Он ключ не сразу отпустил, — сказал Дейрон.

— Видел.

— Вернётся завтра, как думаешь?

— Вернётся. — Морвен поднял с досок полоску коры от жерди и бросил в воду. — У Вааргута ему стоять больше незачем. А уйти совсем он не умеет. Он у этих ворот, сколько я себя помню.

— Он меня мальчишкой через эту калитку за ухо выводил, — сказал Вейн от стола, не поднимая головы.

Дейрон усмехнулся, первый раз за утро.

У стола человек со старой книгой спросил, куда вносить жалобы, если кого-нибудь задержат. Вейн взял со скамьи чистую дощечку.

— Сколько места сверху оставить?

— Для имени хватит строки, — ответил Морвен. — Под ней пиши, кто видел.

Вейн записал, что вчера у дальней будки не пропустили человека с распиской. Сменщик назвал караульного, которого видел у спуска. Вейн прочёл запись вслух.

— А на том берегу будет такая? — спросил человек со старой книгой. — У меня брат второй день ждёт лодку с мукой. Если его у верхнего спуска остановят, к вам бежать уже поздно.

Морвен посмотрел на дальний настил. У будки темнела полоса на месте снятого знака.

— Дадим им вторую, — сказал он.

Вейн примерился к торцу дощечки. Две из неё не выходило. Сменщик сказал, что у мельника под навесом лежит обрезок подходящей длины.

— К вечеру обе будут на месте, — сказал Дейрон.

* * *

Элиар пришёл с дороги от каменоломни, когда солнце уже стояло над дальними амбарами. Плащ у него был в каменной пыли до колен, на плече висел пустой мешок. Он остановился у крайнего столба и сперва посмотрел не на ворота, а на ступень, где Вейн сушил дощечку.

— Это что?

— Для жалоб. Кого задержат, пишут сюда.

Элиар прочёл первую строку, шевеля губами, как читал всегда, когда устал.

— Быстро вы, — сказал он. — Я думал, дня три будете ключи передавать.

— Передали утром.

— Ремек как?

— Дома. Ест левой. Багор чинит.

— Сам?

— Нерса затягивает. Он показывает.

Элиар кивнул. Морвен ждал, что он спросит дальше, и Элиар спросил.

— Он про меня что-нибудь говорил?

Морвен смотрел на дощечку. В ней ещё не высохла первая строка.

— Спрашивал, где ты.

Элиар подождал, не будет ли дальше. Дальше не было. Слова Ремека были короткие, их можно было сказать в два вдоха. Морвен смотрел на дощечку и молчал. Элиар посмотрел на него внимательно, потом на его правую руку. Морвен убрал руку за ремень.

— Зайду к нему, — сказал Элиар. — Не сегодня. Сегодня он устал, наверно.

— Устал.

Он поглядел вверх по дороге, туда, где за крышами стоял дом Вааргута.

— А он?

— Из дома не выходит. Лампа у него днём горит.

— Ровно?

— Ровно.

Элиар потёр ладонь о ладонь. У него лампа никогда так не горела. Ярче, теплее, но всегда с дрожью, как будто огонь куда-то торопился.

— У арки всё ещё караул Кардуна, — сказал Элиар уже другим голосом, как говорят про погоду. — Стоят у пней, костры жгут по три. Грамнар их каждую ночь считает. Хаден ночует у ступеней. Говорит, пока они там, к плите ходить незачем.

— Ты останешься там?

— Там Грамнар и без меня посидит. — Элиар бросил мешок на лавку. — У Дейрона на дальнем берегу двоих не хватает. Я видел список. Пока лодки ходят, я тут нужнее.

Мальчик с мельницы сидел на камне у калитки и держал конец вожжей. Лошадь переступала за стеной. Мать ему назначила час, и тот прошёл. Мальчик тёр ладони о колени. Элиар подошёл и сел рядом.

— Мёрзнешь?

— Нет.

Элиар взял у него вожжи, а потом обе его руки в свои. Мальчик дёрнулся, но не вырвался. У Элиара всегда были тёплые руки.

— Ну вот, — сказал Элиар. — А говоришь, нет.

С дороги от нижних дворов послышался стук древка о камни. Ремек шёл к воротам сам, Нерса держалась на шаг позади и делала вид, что идёт по своим делам. Багор он нёс левой рукой, крюком вниз. Сыромятная обвязка держала туго. У ворот Ремек остановился перевести дух и только потом посмотрел, кто сидит на камне.

Элиар встал. Мальчик так и остался сидеть с вожжами на коленях.

— Ремек.

— Живой я, живой, — сказал Ремек. — Не смотри так. Все сегодня так смотрят.

Элиар смотрел на его правую руку. Ремек переложил багор, чтобы рука ушла за древко.

— Сивель видела?

— Вечером придёт. — Ремек кивнул на мальчика. — Это тот, с мельницы? Показал ему, где встать?

— Не успел, — сказал Морвен.

— Так я и думал. — Ремек подошёл к калитке, постучал костяшками по кольцу и прислушался. — Вот. Слышишь? Ты не у камня сиди, ты вон у того столба встань. Оттуда слышно, когда кольцо трогают, и с воды тебя видно. Мать с лодки первым делом тебя увидит.

Мальчик посмотрел на Элиара. Элиар кивнул. Мальчик перевёл лошадь к столбу.

Ремек повернулся к Вейну.

— Пиши.

— Что писать?

— Что я вернулся.

— Вчера записал, — сказал Вейн. — Сам видел.

— Вчера ты записал, что меня привезли. А сегодня я сам пришёл. — Ремек поставил багор к стойке. — Это разное.

Вейн посмотрел на него, потом обмакнул перо и написал. Прочёл вслух: имя и «пришёл сам». Ремек послушал и кивнул.

Потом он долго смотрел на Элиара, будто собирался что-то сказать. Элиар ждал. Ремек перевёл взгляд на Морвена.

— Тебе Морвен передал? — спросил он Элиара.

— Что?

Морвен стоял у стойки. Ремек посмотрел на него ещё раз, дольше. Морвен промолчал.

— Ладно, — сказал Ремек. — Потом. Не к спеху.

Нерса подошла и взяла его под левый локоть, будто он сам попросил. Он не стал спорить. Багор понёс Элиар. Он донёс его до поворота и отдал Нерсе. Вернулся не сразу. Морвен видел, как он постоял у поворота, глядя Ремеку в спину.

— Что ты мне должен был передать? — спросил Элиар у калитки.

— Ремек сам скажет. Он так хочет.

— Сам, — повторил Элиар. — У вас сегодня все всё сами.

Он сказал это без злости. Сел опять рядом с мальчиком у столба и поднял воротник. Морвен остался у стойки. Ему казалось, что Элиар ждёт, не скажет ли он ещё что-нибудь. Морвен ничего не сказал.

* * *

Оден пришёл с дальнего берега один. Он вёл глубокую лодку хозяина соли, на борту ещё висела дощечка с выжженной лошадиной головой. Женщин он не привёз.

— С дальнего сарая их свели к будке, — сказал он. — По дороге окликнули и велели отойти от настила. Парень с крюком говорит, при нём им обещали другую лодку.

Вейн поднял голову.

— Сам ты их видел?

— Видел, как шли. Та, что с мельницы, мне махнула. Я у настила ждал. От будки к лодке не сойдёшь.

— Кто им сказал идти через будку? — спросил Дейрон.

— Там сейчас человек с книгой. Говорит, кого пропустить, кого ещё оставить при воде.

Мальчик у столба выпрямился. Элиар положил ладонь ему на плечо.

— Стой где стоишь. Сейчас за ней поедут.

Лиэна подошла со стороны кладовой с двумя хлебами в полотне. Один положила у Вейна, другой протянула мальчику. Мальчик спрятал руки за спину.

— Домой не пойду.

— Не ходи, — сказала Лиэна. — Здесь жди. Хлеб у столба положу.

— Ты обратно поедешь? — спросила Лиэна у Одена.

— Хозяин свою лодку до темноты здесь ждёт. — Оден показал на выжженную голову. — Он соль вверх по реке повезёт, как погрузит. Уведу снова, ему мешки обратно снимать.

— Тогда у нас один лёгкий борт, — сказал Дейрон. — Тот, что с Соляной.

Лодку держала Вельма. Она привела её к ближним ступеням, когда сменщиков у калитки уже выучили, и села ждать там, куда из дверей не доставал свет. Морвен знал высокую корму этой лодки. На левом борту торчали четыре деревянных нагеля. Ремек ещё до задержания показывал, как обхватить рукой каждый, если борт снесёт под крутую стену.

Дейрон расставил на столе три кружки. Две поставил на свету, одну подвинул к краю.

— Лодка идёт от калитки к сараю. У сарая берёт моих двоих, они сегодня не вышли. Твоих троих зовём с нижней лестницы, там глубже.

— Кроме меня с гребцом, в лодке пять мест, — сказала Вельма. — Возьмёшь своих двоих, сёстрам сесть некуда. Второй рейс я не обещаю. Сухая дорога до амбаров открыта, но одного из моих троих на ней уже останавливали после заката.

— Кто?

Вельма назвала семью, у которой ночевал один караульный, когда людей Кардуна прогнали с Соляной. Морвен знал их дом. Хозяин по осени переносил лестницу с задней стены внутрь, чтобы к окну не приставили чужую. Того караульного отпустили, до воды он добрался под утро. Больше Вельма об этом ничего не сказала.

Дейрон засунул палец в кружку, что стояла отдельно, и подтянул её к остальным. Морвен знал двоих, кто ночью мог удержать дальний спуск. Ни одного не было в нынешней смене.

— Тогда от сарая никого не берём, — сказал Морвен. — Мы с Лиэной останемся там вместо них. Обратно возьмёшь своих троих и обеих сестёр.

Лиэна ничего не сказала. Подвинула к нему вторую дощечку для жалоб, которую ещё никто не трогал. Вейн продел шнур в отверстие у края, чтобы доску можно было повесить у ступени.

— Возьми Одена вторым гребцом, — сказала Лиэна Вельме. — Он видел, куда ушли женщины. Пусть говорит с ними сам.

Морвен сказал мальчику, что пойдёт за матерью. Мальчик показал на дальний настил, где почти у самой земли оставался один огонь.

— Она там.

— Значит, там и найдём.

Элиар встал, снял с колышка малый фонарь и зажёг от лампы Вейна.

— Я у калитки побуду, — сказал он. — Буду светить, куда корму подавать.

У решётки дневной караульный сказал, что пора закрывать большие ворота. Калитка останется для последнего рейса, как с утра договаривались. Дейрон кивнул. Пока караульные шли по доскам, Оден показал мальчику на тёмную полосу мелкой воды у дальнего сарая.

— Не оттуда она мне махнула?

— От будки, — сказал мальчик. — Ты сам сказал.

Оден посмотрел на Морвена. Между тропой к будке и навесом был низкий забор. С воды он не разглядел, по какую сторону забора стояла женщина. Мальчик отломил от горбушки почерневший край и сунул в рот.

Когда закрыли главные створки, Оден пришёл к борту Вельмы, обтирая о штаны мокрые ладони. Морвен положил дощечку на дно, под ноги Лиэне. Вода пошла за кормой двумя ровными струями. Морвен обернулся. Элиар стоял на нижней ступени и держал фонарь над местом для обратной посадки. Мальчик стоял рядом и держался за его рукав.

Лиэна сидела на средней лавке, поджав ноги от воды на дне. На середине реки она сказала, не оборачиваясь:

— Ты ему что-то не сказал.

— Кому?

— Элиару. — Она смотрела на дальний огонь. — Он на тебя смотрел, как ты на тот берег. Будто там кто-то стоит, а не разглядеть.

— Устал он. С пней шёл.

— Может, — сказала Лиэна. — Ты тоже устал.

Больше она ничего не спросила. Оден вёл лодку, глядя через плечо. Вельма считала гребки шёпотом, как Ремек. Морвен поймал себя на том, что считает вместе с ней, и перестал.

* * *

На дальнем настиле к огню подложили сырых веток. Дым лёг по доскам и не поднялся. У верхней лестницы, где прежде висел знак Кардуна, стояли двое. Нижнюю створку будки открыли наружу. На торце висела жестяная кружка.

— Не у будки, — сказала Вельма Одену. — Левее. У сарая есть место.

Оден повёл лодку ниже, под опору настила, в тень. Лиэна подняла дощечку над головой, чтобы у сарая увидели светлый торец, и окликнула тех, кто должен был смениться. Из-за стены вышел один человек с охапкой дров.

— Второй у весов, — сказал он. — Его оставили ждать хозяина лошади.

— А ты почему к будке не пришёл? — спросила Лиэна.

— Сказали, пока племянника не приведу, на лодку мне не сесть. — Он потёр ладонь о полу. — Парнишка за углём по дворам ходит. В будке думают, он знает, кто прошлой ночью снял лодку с дальней ступени. Тётка его теперь у себя прячет.

— Кто в будке? — спросил Морвен.

— Сейра книгу держит.

Вельма подняла голову. Сейра вела счёт соли ещё тогда, когда дальним настилом распоряжался Кардун. Потом помогла вытащить на доски людей, которых оттуда вели к воде. Морвен сошёл на настил и подал Лиэне руку. Человек с дровами пошёл звать троих Вельмы.

На полпути к будке их догнала женщина, которой Морвен утром велел нести ключ домой. Платок торчал у неё из-за пояса. С ней шла мать мальчика.

— Он у калитки? — спросила мельничница.

— С лошадью. Ему светят.

Она остановилась.

— Сестра у весов, за насыпью. С места не встанет, пока не скажут. Думает, если уйдёт, меня там оставят.

— Почему вас к весам? — спросила Лиэна.

— Сейра велела ждать человека с мельницы. Чтобы сказал, кто муку дал. Спросили, почему я мешок сегодня несу, если вчера с распиской от того же двора мужа не пустили. Муку у меня уже во дворе забрали. Борт ушёл, пока я за сестрой ходила. Потом нас обеих караульный сюда привёл. А дверь за нами не закрыл.

— Спроси сестру, хочет ли она сесть вместе с тобой, — сказала Лиэна.

Мельничница пошла к весам. На полпути её пропустил один из тех, кто прежде стоял у створки. Он держал копьё поперёк ладони и, пропустив, прижал его к ноге. Женщина с ключом осталась у Лиэны. Вынула из-за пояса платок, развернула. Ключ лежал на месте.

— Я с ними пошла, — сказала она. — Одних не пустила. Мне что, мой дом никуда не денется.

— Кто держит весы? — спросила Лиэна.

— Сейра. Кто же ещё.

Морвен поднялся к будке. Сейра стояла у стола, прижав локтем книгу. На краю высохла полоса соли. Обложку прорезало кольцо. Верёвку, которой книгу привязывали к столу, обрубили так близко, что из кольца торчали три нитки.

— Нам нужны обе женщины от весов, — сказал Морвен. — За ними пришла лодка.

Сейра посмотрела на него дольше, чем нужно было, чтобы узнать.

— Я тебя помню, — сказала она. — Ты тогда с Ремеком тут проходил. Под знаком. Он остановился и за ворот взялся, будто душно ему. А ты сказал: идём, ждут.

— Помню.

— Я тогда соль считала. — Сейра поправила книгу под локтем. — Он вернулся?

— Вернулся. Вчера.

— Ну и хорошо. — Она отвела глаза. — Ну и хорошо.

Сейра взяла книгу и пошла впереди, держа её сгибом к себе. У низкой стены сидели сёстры. Сейра остановилась, дождалась, пока обе поднимут головы.

— Я их не держу, — сказала она Морвену. — Я просила подождать ответа. Вчера отсюда человек брал муку для своей семьи. Сегодня ту же муку везёт другая, а в книге всё ещё он. Что мне гребцу сказать, когда за ними снова придут?

— Позови того, кто сказал им отойти от воды, — сказала Лиэна.

Сейра крикнула имя. Второй раз громче. Никто не вышел. Сестра мельничницы показала пальцами место, где её остановили.

— Я на доске стояла. Он сказал, отправит меня домой, если сестра останется при нём ждать ответа.

За спиной Сейры кто-то переставил гирю. Сестра подалась вперёд и посмотрела в тень.

— Эртан? — спросила Сейра.

Сестра кивнула. Сейра раскрыла книгу на камне. Морвен видел, как её пальцы один за другим отпустили край страницы.

— Если обе сейчас уйдут, кто мне утром скажет, чей мешок?

— Я, — ответила мельничница. — Первую расписку муж забрал обратно. Соседка у меня на глазах муку приняла. Утром сама к ней схожу, пока она печь не растопила. И к тебе приду.

Лиэна положила новую дощечку на камень рядом с книгой.

— А слова сестры кто запишет?

Сейра посмотрела на дверь будки. Человек всё ещё не пришёл. Она взяла из желобка при весах обломок белого камня, опустилась на корточки и попросила сестру назвать себя.

Тогда к сараю подошёл Эртан. Он нёс длинный крюк остриём вниз. Увидел дощечку и остановился.

— Ночью у сарая будет некому лодку встретить, если двое уйдут на ближний берег. Прошлой ночью борт из-под замка пропал. С тех пор четверо приходило, и каждому показали разную дорогу.

— Ты говорил, что одна из сестёр должна остаться? — спросила Сейра.

Эртан поставил крюк между досками и сжал рукоять, как будто та могла уйти сама.

— Я предложил отправить одну. Кто-то должен был ждать ответ.

— Ты стоял на пути? — спросила сестра.

— Стоял.

Оден на лавке подвинулся, освобождая место у борта. Лиэна повернула дощечку к Сейре.

— Впиши, что он сказал.

Сейра вписала. Эртан смотрел на дощечку и ждал следующего вопроса. Вопроса не было.

— Пусть у ступени прочтут, что записали, — сказала Лиэна сестре. — Потом садись. Если человек придёт, у него тоже спросят.

Сестра встала.

— Мальчик точно ещё ждёт?

— Ждёт, — сказала мельничница. — Он у меня упрямый. Весь в отца.

Сейра принесла к сараю книгу и дощечку. Книгу положила на сухую доску у стены. Дощечку прижала камнем у края настила, чтобы не ловить потом в воде, и прочла сёстрам их слова. Мельничница дождалась последней строки и кивнула. Сестра взялась за её руку и спустилась в лодку следом.

* * *

Трое Вельмы пришли от дальнего спуска босыми. Один нёс башмаки всех троих, связанные за тесёмки: на дороге подошвы дважды увязли в глине. Когда подавали корму, последний поставил ногу между бортом и доской. Корму прижало к камню, человек ухватился за Вельму и повалил её. Морвен поймал канат и удержал борт, пока тот не вытащил ногу. С кормы сорвалось весло и ударилось о камни.

Мельничница сама вывела сестру обратно на настил и только потом спросила, не зажало ли человеку стопу. Тот сел на нижнюю доску и стянул башмак. Пальцами пошевелил.

— Подержи свет, — сказала Сейра Эртану.

Эртан поднёс фонарь. На щиколотке краснел след от края доски. Порезов не было. Человек натянул башмак обратно и сказал, что ничего, до Сивели дойдёт. Оден подцепил у камня то, что осталось от весла. Лопасть ушла за опору. В руках у него был черенок, расселившийся у самого края.

— Этим веслом до того берега не дойдём, — сказала Вельма.

— У весов моё лежит, — сказал Оден. — Я его утром под навес унёс.

Он ушёл к весам. Сейра подняла с досок щепу от сломанного черенка и поднесла к фонарю. На щепе остался край старой зарубки.

— Соляной долг, — сказал Эртан. — У старой будки каждый гребец зарубку на весле ставил, если ему соль давали в долг.

— А эту кто стесал?

Эртан взялся за конец дощечки.

— Когда лодку просили люди Кардуна, зарубку потом стёсывали. Мне велели смотреть, чтобы весло у воды оставалось. Кто стёсывал, не видел.

Сейра повернула щепу. Под стёсанной зарубкой шла ещё одна, неглубокая. Сейра провела по ней ногтем и ничего не сказала. Убрала щепу в рукав.

Оден вернулся с веслом. Кольцо у рукояти потемнело, лопасть была длиннее, чем у Вельмы. Грести придётся с кормы. Вельма смерила черенок и согласилась. Сейра взяла отдельную дощечку и записала, чьё весло ушло на тот берег и кто вернёт.

— Это прочти мне, — сказал Эртан.

Сейра прочла. Эртан дослушал до конца, вынул из щели в досках тонкую щепку и положил рядом с фонарём, как кладут закладку. Потом отодвинул свой крюк от доски, куда Вельма собиралась подать корму. Человека, которому прищемило ногу, посадили у кормы. Мельничница вычерпала воду со дна черпаком, вода снова набралась в желобке между досок.

— Доплывём, — сказала Вельма. — Сколько лишнего наберёт, увижу в пути.

Перед самым отходом мельничница достала из-за пазухи тряпицу. В ней лежал сухой угол хлеба.

— Отдай ему, если сойдёшь первым. Лошади с утра овса отмерила, а ему ничего не положила.

Оден взял свёрток только затем, чтобы положить ей на колени.

— Он на берегу уже ел. Ему там светят.

Лодка отошла от досок. Дерево скрипело на каждом гребке. На середине реки Морвен потерял женщин из виду. Видел только, как за их спинами поднимается весло, а потом нос заслонил свет фонаря. Свет снова появился, ниже. Человек у калитки спустился на ступень. Рядом показалась маленькая тёмная фигура. Свет качнулся за створкой. С того берега крикнули, что все сошли.

* * *

Оба дальних сменщика вышли из сарая. Сейра поднесла фонарь к дощечке и прочла записанное: имя сестры, её слова о том, где ей велели остановиться, имя Эртана и его ответ. Эртан подошёл послушать с крюком в руке.

— Напиши ещё, что я предложил одну отправить, когда лодка уже от настила отошла, — сказал он. — Сестра потом скажет, видела ли борт.

— Это меняет, что ты стоял на пути?

Эртан посмотрел вниз.

— Пиши оба.

Сейра дописала. Лиэна выпрямила шнур на дощечке. Один из сменщиков вбил в столб короткий гвоздь, и Сейра повесила дощечку повыше, чтобы её не задели дровами.

— Кто будет отвечать, если из будки снова позовут людей? — спросила Лиэна.

— У весов считают соль, уголь и муку, — сказала Сейра. — Людей я не считаю. Книгу поставлю у весов. Если кто придёт с жалобой, пусть зовут меня оттуда.

Она посмотрела на Эртана.

— Ты возьмёшься?

— Меня в будке ждут.

— Кто?

Эртан поискал глазами тех двоих, что раньше стояли у створки. На пустой доске никого не было. Он постоял, потом опустил крюк на землю.

— Отнесу под навес, — сказал он. — Если спросят, где я, скажешь.

Он ушёл. Лиэна села на низкую скамью, которую вынес сменщик, и закрыла глаза. Морвен знал эту её привычку. Лиэна всегда просыпалась раньше тревоги, а когда не спала, умела слушать, кто вокруг уже уснул. Она говорила, что чужой сон слышно, как слышно воду под настилом: не разберёшь, о чём, но знаешь, что течёт.

— Ну? — спросил Морвен.

— Сменщики сейчас уснут, оба. — Лиэна не открыла глаз. — В сарае ребёнок спит, мать его нет. Эртан не спит. Это понятно.

— А ещё?

Лиэна помолчала.

— Наверху, у будки, кто-то есть. Не спит и не шевелится. — Она открыла глаза и посмотрела на тёмную лестницу, где раньше висел знак. — Так не стоят, когда караулят. Так стоят, когда считают.

Морвен посмотрел туда же. Там ничего не было видно, кроме края крыши.

Сейра поставила фонарь на край скамьи и вынула из рукава щепу.

— Вот это, — сказала она Морвену тихо, чтобы не слышали сменщики. — Нижнюю зарубку видел?

— Видел.

— Старые стёсаны давно, дерево потемнело. А эта светлая, грязь в неё не набилась. — Она поднесла щепу к самому огню. — Её вчера резали. Или сегодня. А Кардун с причала ушёл позапрошлой ночью.

— Кто резал?

— Весло мне дали у ступени. Я не спрашивала, кто его принёс.

Она завернула щепу в обрывок холста и сунула под книгу. Потом взяла книгу под мышку и пошла к весам. Над водой стало тихо. На том берегу у калитки ещё стоял свет и не двигался.

Глава вторая
Знак у печи

Морвен. Дальний причал и старая известковая печь, шестой и седьмой дни после вывоза заложников.

Мальчик перескочил через мокрую верёвку, остановился у Морвена и стал развязывать узел. Платок у него был намотан на кулак. Из грязного платка он вынул ременную перевязь.

— От кого? — спросил Морвен.

— От человека у старой известковой печи. Он велел показать. У него ногу повредило. Там ещё женщина с ребёнком. Они спрашивают, можно ли к вам лодкой.

Мальчик повернул перевязь пряжкой вверх. Ремень был широкий, из тех, которыми стягивают тюк, чтобы волоком перетащить с дороги. На конце прикипели две белые крошки.

— Почему тебе отдал?

Мальчик вытер одну крошку о подол.

— Сказал, здесь его по имени не знают. А у воды узнают, откуда ремень.

Возчик у корыта оторвался от муки и посмотрел на пряжку. На его подводе была такая же.

— Это с печей, — сказал он. — Там двое работали, ещё до разлива меняли. Он от старого навеса вышел?

— Ближе к воде. Мы с дороги звали. С дороги никто не ответил.

Писарь спросил имя. Мальчик назвал, потом добавил, что слышал его от женщины. Писарь повернул к нему дощечку для жалоб. Морвен остановил его руку.

— Возьми листок. Человека ещё найти надо. Если придёт родня, ей скажешь, где лодку ждут.

Мальчик попросил вернуть перевязь. Пока писарь писал, он продел конец ремня в пряжку. Вторая дырка прорвалась. Мальчик прижал её к ладони, чтобы ремень не съехал снова.

От старой печи вниз шёл овраг. Дорога по его краю до пристани была короткой, но последнюю неделю там ночевали люди из земель за дальним берегом. Они уходили с обозом на запад и часто возвращались за роднёй. Возчик сказал, что утром видел дым за верхним перевозом. Мальчик сказал, что не знает, кто там жёг.

У верхнего настила оставалась одна лёгкая лодка. Её держал для своих дворов старший со стороны Соляной. Лодка была шире Нерсиной, на передней лавке садились трое. Ниже зарубок на борту тянулся светлый шов. К вечеру старшему надо было забрать троих, которые сменяли караул на нижней дороге, с ними двоих детей и бабку.

Элиар поднялся с настила, где перевязывал мешок бечёвкой. Вытер ладони о штаны.

— Где человек с ногой?

Мальчик показал в сторону оврага.

— Там на мелкой можно подойти. Тяжёлая сядет раньше, чем его поднимут.

— Я поеду, — сказал Элиар старшему. — Дай лёгкую. За твоей сменой вернусь сам.

Старший отодвинул лодку от настила ровно настолько, чтобы никто не мог сойти в неё с доски. Канат он держал обеими руками.

— Вельма вернула её после починки. Пока чинили, наши два раза на лодке Кесты ходили. Я своим обещал стоять тут до вечера.

— Я вернусь до вечера.

— Это ты так говоришь. — Старший не отпускал каната. — А если там у печи не один, а пятеро? Ты их бросишь, чтобы моих забрать? Не бросишь. И правильно. А мои пускай ждут. Приду без людей, вы мне завтра свою дадите?

Элиар посмотрел на Морвена. Морвен знал, что за ночь у Соляной дважды меняли смену и на одном месте вдоль дороги пришлось оставить одного человека. Старший был прав. Морвен ничего не сказал.

Нерса вернулась от дальнего сарая. В её лодке у нижних сходней стояли три корзины муки для дворов выше переправы.

— Найдёшь спуск от оврага с воды? — спросила она мальчика.

— Найду.

Нерса повернулась к старшему.

— Корзины эти выше Соляной ждут. Тебе по пути. Возьмёшь на свой берег? Моя лодка пустая к самой печи подойдёт.

— Чьи корзины?

Нерса назвала хозяйку верхней.

— У неё с вечера сухой муки нет.

Старший прикинул по лавкам. Младшего ребёнка на колени, бабку к корме, там проще переступать. Корзины под переднюю лавку.

— Тяжёлую мне за спину, — сказал он. — Остальные вперёд. И рогожу мокрую с борта сними сперва.

Элиар снял рогожу и подал корзину, как велел старший, снизу, а не за край. Старший позвал своего гребца и назвал дворы по одному. Гребец повторил только первый.

— Остальные рядом, по одной дороге, — сказала Нерса. — Не успеете, пусть у сходней ждут.

Мальчик сел у носа Нерсиной лодки. Перевязь оставил на коленях. Морвен пошёл с ними.

* * *

За выступом мальчик показал на плоскую крышу печи. С воды она казалась продолжением берега. Между тёмным камнем и печью за ночь натянуло травы. Лодку пришлось провести до следующего выступа. Когда Морвен сошёл, мальчик показал ему след от подошвы.

— Тут она в последний раз приходила. С ребёнком.

Мальчик обогнал Морвена и окликнул раненого по имени. Тот лежал у печи на плаще. Ногу ему обложили ветками. Возле него стояла женщина с ребёнком, у которого на руке вместо варежки был чулок. Раненый открыл глаза.

— Лодка где?

— Он нас в лодку пустит? — спросил ребёнок.

Морвен решил, что ребёнок говорит о раненом. Потом тот вытянул руку в чулке и показал за печь. На верхней дороге стоял человек. Издали Морвен различил только две светлые полосы на рукаве. Человек держал перед собой кусок белого дерева и время от времени поворачивал его к воде.

— Известь возит, — сказала женщина. — Тарс. Вчера звал нас на дорогу. Как увидел, что у этого с ногой, сказал ждать обоз.

Она поставила ребёнка на землю и подошла к углу печи. Человек наверху сразу опустил дерево.

— Тарс! Обоз где?

— Пустым ушёл, с рассветом. Меня при печах оставили, пока подводы не вернутся. Ни лошади у меня, ни телеги.

— А доска зачем?

— Велели поднять, если кто к воде спустится.

Морвен обошёл печь. Тропа на дорогу поднималась между кучами извести, потом огибала изгородь. К дальнему столбу изгороди прибили старый знак Кардуна. На тёмном дереве сохранилась узкая медная накладка. Полосу на правой ладони стянуло холодом, хотя от печи тянуло теплом. Морвен не видел прежде, чтобы знак стоял у печи. Рядом с дорогой на земле лежали куски жерди. Подводы ещё совсем недавно останавливались у изгороди. Теперь дорогу ничто не перегораживало. Остался знак.

Нерса подошла и проследила за его взглядом.

— Те, кто его ставил, к воде спускались?

— До чёрного камня ходили, — ответила женщина. — Дальше ругались, что брызги огонь гасят.

За поворотом стукнули по подвешенному ободу. Тарс выпрямился и прижал доску к ноге белой стороной внутрь. Морвен вспомнил, как у верхних амбаров Кардун узнавал, если кто-нибудь проходил мимо его знака. Кто именно прошёл, ему потом говорил караул. Если знак сюда принесли его люди, наверху стоило ждать дозора.

— Вас там спрашивали, кто вы? — спросил Морвен у женщины.

— Спрашивали. Я сказала, с дальних дворов. — Она прижала к себе ребёнка. — Он не записал. Пальцы загнул. Меня, малого, этого вот. Три пальца. А потом говорит: если к воде пойдёте, по одному не ходите, всё равно сосчитаем.

— Кто говорил?

— Не Тарс. Другой. В куртке. Он утром приходил и вечером. Тарс при нём молчит.

— Наша лодка за печью, с дороги её не видно, — сказала Нерса. — Поднимись, спроси, чего он сам хочет.

Морвен поднялся до кучи сухой извести и остановился. Дальше пришлось бы выйти к столбу. Доска дрожала у Тарса в руках.

— Сколько человек тебе велели считать?

— Сколько уйдёт с печей.

— Они знают, кто был здесь утром?

— Знают, сколько лепёшек дали. Я возил. — Тарс посмотрел вниз, на лодку, которой не было видно. — Ты их сейчас спрашивать будешь?

У печи ребёнок пытался стянуть чулок. Мальчик помог ему выправить скрученный носок и натянул чулок обратно. Женщина смотрела на Морвена. Губы у неё шевельнулись, но она ничего не сказала.

— Буду, — сказал Морвен. — Хочешь, на пристани скажу, как тебя звать. Хочешь, сам с нами пойдёшь.

Тарс присел и положил доску перед собой белой стороной к земле.

— Мне до ночи велели печь греть. Уйду, человек с заставы ко мне домой пойдёт. Там сестра. У неё ключ от сарая с углём. И отец.

— Сестра знает, что дорогу закрыли?

Тарс не ответил. Показал на низкую пристройку у печи.

— Там моя тележка. Ручка отломилась. Положите его на плащ и везите, пока ровно. Я лодку видел, когда она камень обходила. Доска тогда лежала белым к земле.

— И сейчас лежит.

— И сейчас, — сказал Тарс. — По звону я знаю, когда у них смена. Сейчас не смена.

Морвен спустился. Нерса вывела тележку за уцелевшую ручку. Колесо дважды зацепилось за камень, мальчик помог перебросить его через порог.

— Скажи ему, где я хлеб оставил, — попросил раненый. — Вторую лепёшку за веткой найдёт.

Женщина сняла с камня ветку и положила поперёк входа в пристройку, в двух ладонях от земли. Раненый приподнялся на локте. С земли входа видно не было.

— Чуть правее, — сказала женщина сама себе и передвинула. — Теперь увидит.

Раненый сперва попросил поставить его на ноги. Морвен подождал, пока он упрётся ладонью в землю. Правая нога не поднялась. Раненый выпрямил руку, словно хотел попробовать ещё раз, потом попросил перевязь. Мальчик протянул её. Раненый продел ремень под сложенным краем плаща и показал, куда браться, чтобы плащ не сползал.

— Лодка всех возьмёт?

— Всех, — ответила Нерса. — И мальчик с нами.

— Если поеду, кто скажет, что здесь никого не бросили?

Мальчик показал на верхнюю тропу. Там, у чёрного камня, ждал человек, у которого они оставили уголь. Мальчик уже собрался бежать, но раненый окликнул его.

— Под камнем в темноте не видно, кто зовёт. Ходи туда с огнём. Вчера огонь дважды погас.

Нерса нашла под навесом доску, у которой один конец обгорел, а другой раскололся до середины. Положила к борту, надавила ногой. Прогнулась середина.

— Можем вдвоём держать, — сказал Морвен.

— На доску ему надо обеими ногами. Корму подведу под склон без неё.

Мальчик взялся за конец перевязи, свисавший с плаща.

— Куда подать?

— Слева бери, — сказал раненый. — На правой я не стою. — Он посмотрел на мальчика. — На берегу отдашь её мне. Покажу, как снова продеть, пока кожа не высохла.

Морвен с Нерсой переложили его на тележку вместе с плащом. У откоса колесо увязло. Оттуда понесли на плаще, подняв за края. Раненый держал перевязь и сам говорил, когда можно идти дальше.

— Раньше я пристань по стуку узнавал, — сказал он. — Как борт о ступень толкнётся. А тут одна вода.

Когда его уложили на дно у кормы, женщина вынула из корзины детские башмаки, а саму корзину поставила под стеной печи.

— Тяжёлая. Пусть стоит. Потом заберёте.

Один башмак выпал. Мальчик поднял его и догнал её у самого борта.

За поворотом снова ударили по ободу. Морвен посмотрел на верхнюю дорогу. Тарс на повороте наклонился и положил доску у ног белой стороной вниз. Морвен развернул тележку ручкой к печи: если Тарс спустится за ней, сможет сразу потянуть вверх.

— Теперь садись, — сказала Нерса.

Лодка качнулась, и ребёнок вцепился чулком в материнскую юбку. Раненый попросил пока не поднимать весло. Он разжал пальцы. Перевязь соскользнула ему с груди. Морвен подал её мальчику.

— Если тебя ещё сюда пошлют, скажи ему, что я доехал, — попросил раненый.

Мальчик подождал, пока Нерса сама оттолкнёт борт, и только тогда кивнул.

* * *

Сивель ждала у верхней ступени. Двое её помощников подняли раненого на доску вместе с плащом. Писарь окликнул женщину на первой ступени.

— Корзину под стеной оставили? Примета на ней есть?

Женщина перевернула детский башмак и показала надрез на подошве.

— Такой же на ручке.

Сивель заметила ремень у мальчика и позвала его к себе.

— Раненого положим в доме у дальнего сарая. Ты с ним хочешь?

— До вечера можно? Я обещал перевязь ему самому отдать.

Сивель кивнула на дом. Мальчик свернул ремень и пошёл следом.

Старший Соляной уже усадил свою бабку у кормы. Две корзины Нерсы стояли у него под передней лавкой, тяжёлая за спиной. Он показал на них Морвену и сказал, что довезёт до дворов сам. Пусть только на Соляной кто-нибудь встретит у сходней.

Элиар ждал Морвена на настиле. Он смотрел на две лодки, которые стояли теперь у разных концов причала.

— Ну?

Морвен рассказал про знак у печи и про Тарса с доской. Про корзину под стеной, к которой теперь придётся снова подходить с воды.

— Сегодня у нас была лодка Нерсы, — сказал Элиар. — Завтра она уйдёт за мукой. И опять будем тут стоять, за чужой борт торговаться, пока человек у печи лежит. Дай Дейрону право оставлять одну лодку на каждый вечер. Пусть он решает, куда её послать, пока война.

— Чью он оставит?

— Ту, что сможет идти. И пусть один человек знает, где все смены. Я утром троих спросил, кто дальний берег примет. Каждый показал на другого.

Морвен посмотрел на Элиара. Тот стоял, засунув руки под мышки.

— Один человек, который всё знает и всем говорит, куда идти, — сказал Морвен. — Такой у нас уже был.

Элиар понял сразу. Лицо у него стало жёстким.

— Вааргуту никто не мог сказать «зачем». А Дейрону скажут.

— Кто?

— Ты. Я. Кеста. Старший этот с Соляной. — Элиар кивнул на лодку. — Он вон уже говорит, ему и права не надо.

Морвен вспомнил, как старший отодвинул свой борт от настила. Морвен мог тогда велеть ему придвинуть лодку. Старший послушался бы, а потом ждал бы чужого рейса и всем рассказывал, кто забрал у него лодку. На следующий вечер его пришлось бы звать снова. И всё-таки странно было слышать это от Элиара. Он сам боялся одной руки над всеми больше, чем кто-нибудь на этой реке. Знал, почему боится. А теперь просил такую руку для Дейрона.

— Скажи ему сам, пока лодка у причала, — ответил Морвен.

Элиар посмотрел туда, где старший уже поднимал весло. Окликнул. Тот не расслышал. Элиар сунул Морвену свой плащ и пошёл к корме, пока лодка ещё стояла у настила. Морвен видел, как они говорят. Старший сперва качал головой, потом перестал. Потом показал на свой шов у борта и поднял один палец. Элиар кивнул.

— Один вечер, — сказал Элиар, вернувшись за плащом. — Послезавтра. Если Дейрон сам придёт просить.

— Сам придёт?

— Придёт. — Элиар надел плащ. — Ему тоже надо, чтобы его спросили «зачем».

Дейрон пришёл к причалу к вечеру, с Илленом и листом смен. Элиар рассказал ему всё сам, коротко, не глядя на Морвена: одна лодка на вечер, кто её держит, кто знает, где смены. Дейрон слушал и тёр большим пальцем край листа.

— Мне одному всё не надо, — сказал он. — Мне лодку на вечер. Остальное пусть Иллен пишет. Кто куда ушёл, кто вернулся. Чтобы утром любой мог прийти и прочесть.

— А решать кто будет? — спросил Элиар. — Ночью, когда человек у печи лежит?

— Ночью я, — сказал Дейрон. — Утром отвечу. Перед всеми, кто спросит. — Он посмотрел на Морвена. — И перед тобой.

— Передо мной не надо, — сказал Морвен. — Перед старшим с Соляной. Это его лодка.

Дейрон кивнул и пошёл искать старшего. Иллен свернул лист и пошёл за ним. Элиар смотрел им вслед.

— Вот, — сказал он. — Видишь? Он сам не хочет.

— Вижу.

— Значит, ему и можно.

Морвен не стал спорить. Ему показалось, что Элиар говорит это не про Дейрона.

* * *

Наутро Нерса гребла к печи молча. Только у первого выступа сказала, не поднимая головы:

— Ремек утром свистел.

Морвен посмотрел на неё.

— У двери. Сидел на пороге, ногу на ногу, и свистел. Первый раз с тех пор. — Нерса переложила весло. — Тихо так. Будто проверял, получится или нет.

— Получилось?

— Наполовину. Губы у него обветрены. — Она усмехнулась. — Сказал, на воде лучше выходит.

— Возьмёшь его на воду?

— Возьму, когда сам попросит. Весло левой, говорит, удержу. — Нерса помолчала. — Удержит. Он упрямый.

Она прошла ещё несколько гребков.

— Я вчера жене Ирта муки отвезла. От нас с Ремеком. — Нерса не смотрела на Морвена. — Она спросила, ты ещё придёшь или нет.

— Приду.

— Я так и сказала. — Нерса выправила лодку на струе. — Она говорит: пусть приходит, когда будет что сказать. А не будет, пусть всё равно приходит. Одной хуже.

Корзину увидели с воды. Она лежала боком на крыше пристройки. Над ручкой торчал сухой холст, зажатый между двумя камнями. Там, где вчера стоял Тарс с доской, никого не было. На повороте тоже. Морвен увидел только столб с медной накладкой.

— Узнаёшь корзину? — спросила Нерса.

— Отсюда ручки не видно.

За ночь кто-то поставил тележку под навес. Колёса в глине, вдоль сломанной ручки лежал обструганный кол. Из пристройки пахло смолой. Вход завесили парусиной, под нижним краем тянуло дымом. Морвен окликнул Тарса. Никто не ответил. Из-за парусины показалась женщина с обгорелой на сгибе рукавицей.

— Что ищешь?

— Корзину. С ребёнком вчера отсюда ушли.

Женщина разглядела лодку и Нерсу у весла.

— Покажи зарубку.

Морвен показал, где она на ручке. Женщина сняла корзину с крыши и протянула вниз. Внутри было тяжелее, чем он ждал. Под холстом лежала половина хлеба и свёрток с углём.

— Хлеб чей?

— Ей положила. Она вчера свои сухари раненому отдала. Уголь тоже ей. Пусть хоть башмаки высушит.

— Кто её кормил, пока она тут была? — спросила Нерса снизу.

Женщина назвала два двора у крутого поворота и один за нижней выработкой. Хлеб передавали с детьми, пока дети ходили за щепой. Часть забирали люди у знака. Остальное отдавали тем, кто приходил ночевать под крышей печи.

— Под крышей и сейчас ночуют?

— Ночуют. — Женщина вынула из-за печи плоскую доску с чёрным отпечатком угля на углу. — Сюда хлеб ставили, на холодный камень. Она каждый раз две лепёшки приносила, а одну брала.

— А кто стучит после темноты? — спросил Морвен.

Женщина подержала доску за край.

— Не всякий стучит. Иногда отсюда видно, как у воды огонь вспыхнет. После такого огня к печи человек приходит, с пустым мешком. Просится к теплу. Покажешь ему со двора, откуда огонь был, он сразу уходит. — Она помолчала. — Сестра Тарса в прошлый раз сама спускалась за женщиной, что кричала из-под изгороди. За мешком той женщины двое пришли. А за ней самой никто.

— Кто остался? — спросила Нерса.

— Тарс. Утром тележку принёс и к сестре пошёл. — Женщина посмотрела на верхнюю дорогу. — У сестры за углём приходили. Она сказала, один мешок отдаст, если второй оставят. Взяли вдвое. С тех пор её у сарая ждут.

— Кто взял?

— Двое. Я ноги видела за стеной. Один башмаки снял, чтобы подошвы не жечь. Второй всё Тарса звал, хотя от печи ему никто не отвечал. — Женщина помолчала. — А утром к столбу третий пришёл, в куртке возчика. Перешагнул жердь, верёвку у столба положил. Я думала, знак снимать. Он увидел, что парусина шевельнулась, и говорит: верните Тарса до обеда.

— Он кто?

— Кардунов. С заставы. — Она сказала это просто, как говорят, с какой мельницы мука. — Они тут всегда были. Знак только раньше дальше висел. Если его ещё ближе к печи перенесут, этому двору к воде не спуститься, не назвав себя.

Нерса подняла корзину в лодку и накрыла холстом.

С воды донёсся стук. Морвен оглянулся. К выступу шла ещё одна лодка. Элиар, не дожидаясь, пока её удержат, сошёл по колено в реку, привязал её к торчащему корню и сразу заговорил с Нерсой.

— На Соляной нашли человека на вечер. У дальнего сарая Оден побудет до второго рейса. Мать с ребёнком говорит, под печью можно укрыться. Надо узнать, есть ли там ещё кто. Где человек с доской?

— К сестре ушёл, — сказала женщина. — К обеду должен вернуться. Ты у ступени не объявляй, что его берёшь, пока он сам не придёт.

Гребец Элиара сел подтянуть тесёмку на башмаке. Один бок у него промок, пока лодка подходила к корню.

— Лодку к последнему свету у ближней мельницы ждут, — сказал он Нерсе. — Он ещё Кесте обещал её хлеб забрать. А сколько тут мест оставить, никто не знает.

— Хлеб Кестин я у сарая возьму, когда корзину отвезу, — сказала Нерса. — Потом за людьми вернусь. Покажите, где у воды ждать.

Морвен снова посмотрел на медь. За изгородью сохранились старые борозды от колёс. Под печью стояли теперь две лодки. С дороги было видно, как Элиар стоит у корня по колено в воде. Морвену не хотелось, чтобы его было видно с дороги.

— Нерса, вези корзину, — сказал он. — Мы Тарса дождёмся.

Нерса отвела нос от выступа. Белый холст на корзине был виден, а потом слился со светом на воде.

* * *

Тарс вышел с верхней дороги с пустыми руками. Добежал до навеса и согнулся, прежде чем увидел Элиара.

— Уголь унесли? — спросила женщина.

Тарс покачал головой.

— Сестра у ворот осталась. Этот, что утром от знака пришёл, обещал один мешок взять. Потом выкатил на улицу её колоду и сел на неё. Говорит, подопрёт створку снаружи, если она снова кого к воде поведёт.

— Чего она сама хочет? — спросил Элиар.

Тарс сжал губы.

— Скажите, что лодка теперь будет ждать за выработкой. Она двоих доведёт. Один под крышей печи ночевал, второй к ней утром ногу греть ушёл. Они согласились идти, пока жердь не подняли.

— Если она хочет уйти, положим уголь в лодку, — сказал Элиар. — Возьмём и её.

— У неё отец. Он зимой до спуска не ходит. И сейчас не пойдёт.

— Я выйду к воротам, — сказал Элиар. — Тебе туда идти не надо.

— Сначала узнай, у кого она, — сказал Морвен. — Если она сама обещала уголь отдать, забрать её со двора против воли тоже нельзя.

Элиар взялся за мокрый рукав, начал его выкручивать и бросил.

— Узнаю.

Женщина с печей показала, как найти ворота: у сестры Тарса над створкой прибита косая планка. Когда несут мешок, под неё подкладывают руку. Она стянула рукавицу, заправила под пояс и пошла с Элиаром. Если у ворот будет тот человек, она окликнет сестру через створку.

Морвен с Тарсом остались у печи. Гребец Элиара вынес из лодки мокрый плащ, перевесил через корень и стал растирать руки.

— Та, с ребёнком, доехала? — спросил Тарс.

— Доехала. Её у дальнего сарая приняли. Корзину ей сейчас Нерса везёт.

— Мальчонка у неё всё чулок стягивал. — Тарс поскрёб смолу на пальце. — Я ему рукавицу хотел отдать, свою старую. Не успел. Доску держал.

— Отдашь ещё.

— Отдам, — сказал Тарс без особой веры.

Сверху ударили по ободу.

— Не смена, — сказал Тарс. — При смене бьют дважды. Первый удар — один выходит, второй — тот, что принимает. Сейчас между сменами ударили.

— Что это значит?

Тарс показал пальцем на медь.

— Это значит, кто-то прошёл. Знак им сказал. А кто, они ещё не знают.

Морвен с Тарсом поднялись по сухой глине к выработке. За ней под ногами разошлась сырая земля. Колеи не было. На тропе темнел чёрный камень. С лодки камень заслонял откос.

Тарс присел и воткнул кол в глину.

— Если над камнем лоскут привязать, Нерса увидит край у самой воды. Выше нельзя. С дороги подумают, что им знак подали.

К выработке вышел человек в куртке возчика. Морвен заметил его не сразу. Голова едва показалась между ветками. За плечом висела верёвка. Человек показал Тарсу два пальца, словно хотел спросить, скольких везут. Тарс не поднялся навстречу.

— Кто сейчас у ворот сестры? — спросил он.

— Пока я здесь, никто. Уголь у неё оставили. — Человек перевёл глаза с Тарса на кол. — Мне велели спросить, сколько вчера ушло.

— Я лодку видел, когда она камень обходила. Дальше печь заслонила.

— С берега говорят, трое.

Тарс поднял голову. Над изгородью дрогнула верёвка. Человек взялся за неё, но пока ждал. Если бы Тарс подтвердил число, его можно было бы повторить у ворот. Морвен стоял чуть ниже, за изгородью. Стоило ему ответить, и человек услышал бы его голос. Тарс вынул кол из глины, поставил остриём к себе.

— Я стоял у поворота, — сказал он. — Оттуда видел лодку. Больше ничего.

— Тележку отдай, когда смола высохнет.

— Тележка чья теперь, раз отдавать?

Человек стянул верёвку с плеча и перебросил через другое. Не ответил.

— Чья была, того и зови к печи, — сказал Тарс.

Человек постоял, пока с дороги не ударили по ободу. Потом пошёл на звук. Тарс проводил его взглядом. На ладони у него осталась тёмная полоса от сырой ручки.

— Он вернётся, — сказал Тарс. — Не один.

* * *

Сверху по тропе спускалась сестра Тарса. Морвен сперва увидел её руки. Она держала у груди угольный мешок, справа белели новые стежки. Позади шла женщина с обгорелой рукавицей. Элиар и ещё один человек несли на доске раненого в разрезанном сапоге. Тарс бросил кол и пошёл навстречу. Сестра мешок не отдала.

— Ты вчера доску поднимал?

— Не поднимал.

Она кивнула и поставила мешок у камня.

Двое, которых обещали вывезти, были разного возраста. У первого рука вылезала из короткого рукава на целую ладонь. Второй сидел на доске и держал под коленом тряпицу.

— Сапог когда разрезали? — спросил Морвен.

— Утром. В кузнице снять нечем было, через щиколотку не шёл. — Человек на доске поморщился. — Хороший был сапог.

Снизу донёсся глухой удар весла. Тарс подставил кол к воде так, чтобы лоскут лёг на чёрный камень. Нерса показалась из-за выступа и подвела лодку. Раненого переложили на дно. Его спутник сел рядом. Тот, что с коротким рукавом, хотел вернуть женщине с печей половину лепёшки. Она сложила его пальцы поверх хлеба.

— Ешь. Я у сестры возьму.

— Садись и ты, — сказал Элиар сестре. — Место есть.

— А ты кто такой, чтобы меня из дома везти?

— Никто. Лодка есть, вот и всё.

— Лодка есть. А дом один. — Она отвернулась к Нерсе. — Скажи у сарая, что за отцом лодку слать не надо. Дом он не оставит. И я при нём.

Нерса увела лодку. Сестра подняла мешок и сказала, что пойдёт домой верхней тропой, через выработку. Мимо знака не надо.

— Я тебя доведу, — сказал Элиар.

— Не надо.

— До планки доведу. Дальше сама.

Она посмотрела на брата. Тарс кивнул. Они ушли вверх, и женщина с печей пошла за ними. Морвен с Тарсом вернулись к печи за тележкой.

Под навесом Тарс поставил тележку на колодку и стал заново прилаживать кол к обломанной ручке. Скоба не садилась. Морвен держал ручку, Тарс бил обухом. Звук уходил в камень.

Потом Тарс перестал бить.

Наверху у знака стояли трое. Морвен не слышал, как они подошли. Человек в куртке возчика и двое с копьями. Один из копейщиков был совсем молодой, с мальчишеским лицом и пухом над губой, и смотрел не на печь, а на воду. Человек в куртке спустился первым, не торопясь, по тропе между кучами извести. Двое остались у столба.

— Тарс, — сказал человек в куртке. — Я тебе к обеду велел.

— Обед ещё не прошёл.

— Прошёл. Ты просто не заметил.

Он посмотрел на Морвена. Смотрел долго, как смотрят на мешок, прикидывая вес.

— Ты Морвен. С переправы.

— Да.

— Хозяин тебя помнит. — Человек сказал это спокойно, даже приветливо. — У корня. Говорит, ты там петлю сам снял. Не стал ждать.

Морвен ничего не ответил. Человек оглядел навес, тележку, ручку с новой скобой, кивнул, словно нашёл всё на своих местах.

— Река теперь ваша, — сказал он. — Это все знают. Хозяин ушёл, лодки ваши ходят, ворота ваши. А дорога наша. — Он показал пальцем на верхнюю дорогу, потом на печь. — Печь посередине. Ни туда, ни сюда.

— Печь Тарса.

— Печь ничья. Тарс при ней. — Человек повернулся к Тарсу. — Вчера трое. Сегодня двое. — Он поднял два пальца, потом ещё один. — Видишь, я и без тебя считаю. Хозяин и без тебя знает, что мимо знака ушло пятеро. Ему не сколько надо. Ему надо, кто.

— Я не видел, кто.

— Ты печь топил, лепёшки возил, уголь у сестры брал. А кто ел, не видел. — Человек кивнул. — Ладно. Завтра с утра пойдёшь с нами на заставу. Там посидишь, вспомнишь.

— Он не пойдёт, — сказал Морвен.

Человек не обернулся к нему.

— А сестра твоя у ворот одна, Тарс. С отцом. Отец до спуска не ходит, ты сам говорил. Колода у неё посреди улицы стоит, кто-нибудь споткнётся.

Тарс положил обух на колодку. Руки у него стали совсем белые от извести.

— Спроси меня, — сказал Морвен. — Я вывозил. Я знаю, кто.

Теперь человек обернулся.

— Скажешь?

— Нет.

— Ну вот. — Человек даже улыбнулся. — Тебя хозяин сам спросит. Про другое. — Он подошёл ближе и сказал тише, будто по-соседски: — Он у корня тебе про одного человека говорил. Про тёплого. Он не передумал. Так и передай, кому надо.

— Передать некому.

— Ну, раз некому. — Человек пожал плечами. — Тогда никому не передавай.

Морвен помнил корень. Мокрую глину под сапогом, канат в кулаке, фонарь у ног Кардуна. Кардун смотрел на его раскрытую ладонь дольше, чем на лицо. «Где Элиар, ты знаешь. Отдай мне Элиара, и твой список уйдёт без счёта». Потом наверху бросили ведро, и Ирт махнул лодке рукой. Двое у выступа держали его за ворот. «Подождёшь, его отпустят к тебе. А мы пока поговорим про Элиара». Морвен снял петлю с корня сам. Голос Ирта оборвался за выступом. В первый вечер после возвращения Морвен стоял у пекарни на Крутом спуске и рассказывал это жене Ирта. Она слушала у двери и дверь не закрыла. В дом не позвала.

— Водонос у вас, — сказал Морвен. — Ирт. Он жив?

Человек в куртке посмотрел на него с интересом, будто Морвен наконец спросил что-то стоящее.

— Воду носит, — сказал он. — Хозяину тоже пить надо.

— Отпустите его.

— Это не я держу. — Человек развёл руками. — Хозяин сказал: про водоноса с тобой самим поговорят. Когда время будет. Не торопись.

Морвен подумал о жене Ирта у двери пекарни. Что он ей теперь скажет? Что воду носит. Что жив. Она спросит, где, и он не будет знать. Она спросит, когда, и он скажет: когда время будет. Чужими словами.

Молодой копейщик у столба переступил с ноги на ногу. Человек в куртке поднялся к нему. Махнул: стой. Сам подошёл к знаку и положил на медную накладку голую ладонь. Подержал. Морвен видел, как от его пальцев по меди пошла белая изморозь, тонкая, как на утреннем стекле. Солнце стояло высоко. Из печи тянуло жаром. Изморозь не таяла.

В колее у столба после вчерашнего дождя стояла вода. Ветер прошёл по изгороди, тронул ветки, поднял пыль с извести. Вода в колее не дрогнула. Лежала, как кусок тёмного льда, и в ней отражался столб.

Молодой копейщик смотрел на руку старшего и не мигал. Лицо у него стало белое. Потом он отвернулся, сплюнул в сторону и вытер ладонь о штаны, хотя ни до чего не дотрагивался.

— Доску твою я заберу, — сказал человек Тарсу сверху. — Не поднял вчера, и не надо больше. Теперь знак сам скажет.

Он взял белую доску, прислонённую к изгороди, сунул под мышку. Трое ушли за поворот. По ободу больше не били.

Тарс долго смотрел на колею. Потом взял обух и снова ударил по скобе. Скоба вошла.

— Вот теперь села, — сказал он.

Морвен разжал правую руку. Он и не заметил, что держит кулак.

— Ты такое раньше видел? — спросил он. — Иней на меди.

— Зимой видел. — Тарс провёл пальцем по новой скобе. — Летом нет. А лужи у их знаков всегда так стоят. Ветер, не ветер. Отец говорит, к знаку воду лучше не носить, всё равно пить нельзя. Я раз набрал. Зубы ломит, как со льда, а она тёплая на ощупь.

— Ты пил?

— Глоток. Больше не захотелось. — Тарс поднял на Морвена глаза. — Ты у корня с ним самим стоял, мне говорили. Так близко, как я сейчас.

— Так.

— Ну и как?

Морвен подумал.

— Дышать трудно. Будто воздух в бочке застоялся.

Тарс кивнул, как кивают, когда другой подтвердил то, что ты и сам знал.

— Пойдёшь с нами, — сказал Морвен. — Сейчас. Сестру с отцом завтра заберём.

— Отец не пойдёт.

— Тогда с отцом будем говорить.

— С ним сорок лет никто говорить не может. — Тарс покачал тележку, проверяя ручку. — Он печь эту клал. Знаешь, сколько раз тут знаки вешали? И снимали. Он всех пересидел. Он и этих пересидит, говорит.

— А ты?

Тарс посмотрел на печь.

— А я при нём.

* * *

Элиар вернулся по верхней тропе, через выработку. Шёл быстро.

— Сестра дома. Тот с колоды ушёл, колоду бросил посреди улицы. Отец у окна сидит, со мной не говорил. — Элиар остановился у навеса и посмотрел на Тарса, потом на Морвена. — Кто тут был?

— Дозор. За доской приходили.

— Только за доской?

Морвен смотрел на изгородь. На меди ещё белело.

— Тарса на заставу звали. Он не пойдёт.

Элиар проследил за его взглядом. Подошёл к колее, присел. Протянул руку к воде и не дотронулся.

— Это что?

— Не знаю.

— Знаешь, — сказал Элиар. Встал, вытер руку о штаны, хотя она была сухая. — Я тут останусь на ночь. С Тарсом. Если они утром придут, лучше, чтобы тут было двое.

— Нет.

Элиар повернулся к нему.

— Почему?

— У сарая человека не хватает. Оден один до утра не выстоит. Ты сам вчера говорил: каждый показывает на другого.

— А Тарс?

— Тарс сам решил.

— Ты опять решаешь, где мне ночевать, — сказал Элиар. Сказал негромко, но гребец у корня поднял голову.

— Сегодня решаю.

Тарс положил обух на колодку.

— Идите оба, — сказал он. — Я тут сам. Печь без меня остынет, тогда точно придут. А так я при деле. Утром сестра хлеба принесёт. При ней они меня не тронут.

— А если тронут? — спросил Элиар.

— Тогда пойду с ними. Посижу. — Тарс пожал плечами. — Вспоминать мне нечего. Я правда не видел, кто.

Элиар постоял ещё, потом пошёл к лодке. На корне снял мокрый плащ гребца, отдал ему, сел у носа и ни разу не обернулся, пока Морвен не сел следом.

На воде Морвен думал о человеке в куртке. О том, как тот сказал «про тёплого». Элиар сидел у носа в двух шагах, и Морвен мог сказать ему сейчас. Кардун у корня спрашивал про тебя. Его человек сегодня у печи спросил ещё раз. Морвен смотрел Элиару в спину и молчал. Вода у борта шла ровно, с рябью, как всегда.

* * *

У дальнего сарая первым подошёл Оден. Сивелины помощники уже увели людей с печи к тёплой лавке. Корзину с зарубкой Нерса отдала матери с ребёнком. Человек, который должен был сменить Одена, ушёл возить уголь. Оден вывернул шапку и положил сушиться на столб.

— Я останусь у сарая, — сказал Элиар. — Оден, покажи, кого обещали взять.

Он сказал это раньше, чем Морвен успел что-нибудь предложить, и Морвен понял, что это ответ ему, а не Одену.

Элиар передал свою лодку человеку от мельницы. Тот вёз двоих к амбарам и женщину с рукавицей. Элиар назвал ему сам, кого удалось вывезти и кто остался на дальнем берегу. Человек загнул два пальца и позвал гребца. Потом Элиар повесил мокрую рубаху на гвоздь, рядом с доской для жалоб. Оден принёс ему старую куртку из сарая.

Из дома Сивели вышел мальчик с перевязью. Ремень был продет заново, ровно, и пряжка стояла посередине. Мальчик показал её Морвену, не говоря ни слова.

— Он показал?

— Показал. Два раза. Второй раз я сам. — Мальчик подёргал ремень. — Он спит теперь. Сивель руку ему на колено положила и долго держала. Он сперва кричал, потом перестал. Сказала, нога будет. Только не скоро.

— Утром домой?

— Утром. — Мальчик оглянулся на дверь. — Я ему перевязь оставлю. Это его.

Он ушёл обратно в дом.

Последней лодкой с ближнего берега пришёл Дейрон, забрать двоих для амбаров. Пока их звали, Морвен отвёл его к столбу, где не доставал свет из сарая, и рассказал про печь. Про колоду посреди улицы, про заставу, куда Тарса звали «посидеть». Про медь под голой ладонью и про воду в колее.

Дейрон слушал, глядя на воду.

— Туда я людей не пошлю, — сказал он. — Это их дорога. За печью у меня никого.

— Знаю.

— Тарса завтра Нерса проведает. С мукой, будто по делу. — Дейрон помолчал. — Что ещё?

— Он про Элиара спрашивал. Не по имени. Сказал: хозяин у корня тебе про тёплого говорил, он не передумал.

Дейрон повернул голову к сараю. В дверях Элиар разговаривал с Оденом и показывал руками, как класть доски под нос лодки.

— Ему сказал?

— Нет. И ты не говори.

— Почему?

— Он и так к арке рвётся. Узнает, что Кардун его ищет, пойдёт туда один, чтобы нас не подставлять. Ты его знаешь.

Дейрон долго смотрел на него.

— Знаю, — сказал он наконец. — А ты ему вообще что-нибудь говоришь?

Морвен не ответил. Дейрон вздохнул, хлопнул его по плечу, как хлопают лошадь, которая встала посреди брода, и пошёл к лодке.

Морвен сел у ступени. По ту сторону реки виднелись огни ближних дворов. Выше по этому берегу, там, где за выступом стояла печь, светило слабо, ровно, красным. Печь Тарс не дал остудить. А над печью, на верхней дороге, горел ещё один огонь, маленький и белый. Он стоял на одном месте.

Ближе к ночи от верхней тропы к сараю спустился человек с пустым мешком на плече. Остановился у края света.

— Погреться пустите?

Оден посмотрел на Морвена. Элиар вышел из сарая и сам подвинул человеку чурбак у огня. Человек сел, протянул руки к огню. Мешок положил у ног, сложенный вчетверо. Морвен смотрел на его башмаки. Они были белые до щиколоток. Известь.

— Далеко идёшь? — спросил Морвен.

— На тот берег. Утром. — Человек грел руки и не смотрел ни на кого. — Много вас тут ночует?

— Хватает.

— А лодка утром во сколько?

— Как гребец встанет.

Человек кивнул, будто получил ответ. Посидел ещё немного, потом поднялся, закинул мешок на плечо.

— Пойду. Спасибо за огонь.

— Ты же на тот берег хотел, — сказал Оден. — Утром.

— Передумал.

Он ушёл вверх по тропе, той же дорогой, которой пришёл. Элиар смотрел ему вслед.

— Чего он?

— Ничего, — сказал Морвен. — Погреться.

Элиар постоял ещё и ушёл в сарай. Оден сел рядом с Морвеном и тихо сказал:

— Женщина у печи говорила. После огня у воды приходит человек с пустым мешком.

— Слышал.

— У нас огонь горит всю ночь.

— Пусть горит, — сказал Морвен. — Пусть видят, что горит.

Он принёс с воды доску, положил на колени и стал выбивать из неё старый гвоздь.

— Ремек у этого сарая меня грести учил, — сказал он. — Мне тогда лет десять было. Я весло держать не умел, всё брызгал. А он сидит на корме и свистит. Я говорю, чего свистишь. А он: вода свист любит, сама идёт.

— Он и сейчас свистит.

— Слышал. Нерса говорила. — Оден вынул гвоздь и посмотрел на него. — Я к нему не хожу. Не знаю, что сказать.

— Скажи, что лодку его держишь.

— Так я не держу.

— Вот и подержи, — сказал Морвен. — Нерсину. Когда она за мукой пойдёт. Ему приятно будет.

Оден подумал, кивнул и ушёл с доской под навес.

К ночи Элиар дважды спускался к воде, когда у столба слышался стук. Оба раза это был Оден, подбирал доски для утренней лодки. Во второй раз Элиар не пошёл обратно к сараю. Сел рядом с Морвеном на ступень и протянул руки к фонарю.

Морвен смотрел на его руки. Элиар никогда не грел рук. Зимой его ставили к вёслам последним, потому что у него не стыли пальцы, а у других стыли.

— Ты чего? — спросил Морвен.

— Холодно, — сказал Элиар. И сам, кажется, удивился. Посмотрел на свои ладони, на фонарь, на тот берег, где за выступом стояла печь. — С вечера холодно. Не пойму откуда.

Морвен расстегнул плащ.

— Возьми.

— Не надо. — Элиар покачал головой. — Не в плаще дело. Внутри холодно. Как будто воды стоячей напился.

Он посидел ещё, потом встал и ушёл в сарай. Морвен остался на ступени. Белый огонь над печью не двигался до утра.

Глава третья
Двое на верхнем перевозе

Морвен. Верхний перевоз и дальний спуск, десятый и одиннадцатый дни после вывоза заложников.

Три дня Нерса возила муку к старой печи. Каждый раз, возвращаясь, говорила одно и то же: Тарс у печи, печь топится, знак висит, где висел. Человек в куртке приходит по утрам и спрашивает одно и то же. Тарс отвечает одно и то же. На заставу его пока не водили. На четвёртый день Нерса сказала, что отец Тарса сам вышел к воде и взял у неё мешок, не глядя на знак. Больше о печи у переправы не говорили. Морвен думал о ней по ночам.

* * *

Гедан привёл сына к верхнему перевозу ещё до первого рейса. Морвен знал его по амбарам. Тогда Гедан спускал доски к воде и дважды возвращался за последней, когда смена уже села есть. Говорил, что не любит, когда работа висит. Мальчик держал под мышкой куртку, сложенную вдвое. У куртки не было одной пуговицы. Писарь потянулся за дощечкой.

— У воды нашли?

Гедан остановил его руку.

— Из дома принесли. Брату в ней теплее будет возвращаться, если лодка придёт с того берега.

Морвен подошёл к столу, пока писарь выдвигал лавку. Гедан назвал брата.

— В какой лодке он вчера вышел?

Писарь переспросил имя. Показал прежнюю запись: четыре рейса с мукой, один гребец под вечер повёз семью, двоих взял на нижней лестнице. Ещё один рейс от кузницы.

— Он на своей ходил, — сказал Гедан. — Её в кузнице ждали. Он тёс повёз. Трещину в днище с утра чинил. Сказал, если ещё куда надо, зовите до темноты.

Писарь поискал имя на обороте. Там стояло только время, до которого лодку ждали обратно.

— Кто тебе сказал, что он не вернулся?

— Сосед. Он утром хлеб к амбарам возил. Отмельный гребец, говорит, вечером вдоль осоки домой шёл. Лодка уже у дальней отмели стояла. А в лодке никого.

— Зови того, кто сам видел, — сказал писарь.

Гедан наклонился над листом.

— По этому листу можно на тот берег пройти? Там у отмели мне лодку покажут. Не покажут, спрошу у весов, кто последний брата видел.

За спиной у писаря кашлянул мальчик. Куртка уже висела у него на одном плече. Край подкладки, прихваченный двумя длинными стежками, вывернулся наружу.

— К какому часу мне с ней на ступень выйти?

— Жди у дома, — сказал Гедан. — Если он вернётся, сам займёт лавку.

Писарь внёс имя в список тех, кого ждут, и подал Гедану второй лист. Гедан прочёл братово имя по слогам. Ветер загнул край листка. Гедан разгладил его пальцем.

— На дальнем спуске спроси Сейру, — сказал писарь. — Она у весов книгу держит. Жалобы у дальнего сарая принимают.

— Прямой рейс туда когда?

— До полудня не будет.

— Если снизу пойдём, к вечеру к отмели успеем?

— Вдоль берега до поворота успеем, — сказал Морвен. — Дальше спросим у тех, кто туда каждый день ходит.

Он сам взялся проводить Гедана. Мальчик положил куртку на лавку, будто собирался оставить её там. Гедан вернул её ему. Мальчик пропустил человека с лошадью и пошёл к дому. За оградой Морвен потерял его из виду.

* * *

До нижних сходней они ещё не дошли, когда Морвен снова увидел сына Гедана. Мальчик стоял за жердью и держал куртку обеими руками. К нему подошёл человек от кузницы, который принёс с утра щепу для печи.

— Ты чего вернулся?

Мальчик показал на пристань.

— Я дядину лодку узнаю. Там под передней лавкой красная тряпица.

Человек от кузницы посмотрел на Морвена. Сам он возил щепу у верхнего спуска и ни в одной лодке под лавки не заглядывал.

Гедан подошёл к сыну. Не стал спрашивать, почему тот вышел.

— Когда дядя её привязал?

— Это я привязывал. У неё с одного края бахрома лезет. У меня пальцы в тот день в саже были. Сажа на узле осталась.

— Покажешь, как завязал?

Мальчик достал из кармана две щепки. Положил одну на жердь, вторую подложил снизу. Достал обрывок ремешка и обмотал вокруг щепок. Короткий конец увёл вниз.

— Не затягивай, — сказал Гедан. — Чтобы снять можно было, узла не распуская.

Мальчик снял ремешок со щепок. Гедан смотрел на его пальцы. Он мог взять ремешок с собой и показывать каждому у отмели. Попросил только ещё раз повторить, где была тряпица. Мальчик показал ладонью край лавки.

— Если к вечеру лодку увидишь, с берега не сходи. Кузнецу скажи, где стоит.

— А если дядя в ней?

— Тогда с берега окликни.

Мальчик убрал ремешок и щепки в карман и пошёл с человеком от кузницы. Гедан подождал, пока они свернут к домам.

У нижних сходней стояла лодка хлебников. Кеста везла ниже по реке хлеб и подмену двум людям, продержавшим дорогу всю ночь.

— До дальнего сарая довезу, — сказала она Гедану. — Оттуда мне вниз. У весов скажу, кого ищешь, если сам подойдёшь.

— Мне выше. На отмель.

— Выше лёгкий борт ходит, вон у бочки. Гребец за женой и детьми ушёл. К полудню будет.

— Послать за ним нельзя?

— Можно. Тогда детям обратного рейса ждать.

Гедан посмотрел на весло хлебников. У ручки темнело пятно от муки.

— До сарая, — сказал он. — Потом сам дорогу найду.

Кеста отодвинула хлебную корзину и дала ему место. Морвен сел напротив. На воде Гедан достал листок. Сложил пополам, чтобы имя оказалось внутри, расправил, снова сложил одной рукой и сунул под ремень.

— Можешь его у писаря оставить, — сказала Кеста.

— Оставлю, когда скажут, что он там был.

Кеста не ответила. Гедан держал пальцы у ремня, прикрывая край листка, когда борт качался. Морвен вспомнил Ремека. Как сам он тогда искал у писаря не только Ремеково имя, но и слово хозяина, который мог приказать его вернуть. Как каждый лист складывал так, чтобы имя было внутри.

* * *

У дальнего сарая на ступени сидел Элиар и зашивал парусину. Увидел Морвена с Геданом и поднялся.

— Кого ищете?

Гедан назвал брата. Элиар выслушал, не перебивая.

— Лодку видели у отмели? Возьми мою, — сказал он. — Она у столба. Человек от мельницы к обеду вернёт, а до обеда я без неё обойдусь.

Гедан посмотрел на лодку, потом на Элиара.

— Мне не лодка нужна, — сказал он. — Мне сперва надо знать, куда плыть.

— Тогда спроси Сейру. — Элиар кивнул на весы. — Она всех помнит, кто тут за неделю прошёл. Даже тех, кого не писала.

Гедан ушёл к весам. Элиар задержал Морвена за рукав. Рука у него снова была тёплая. Холод у сарая прошёл за одну ночь, и Элиар о нём не вспоминал.

— Тарса проведывали?

— Нерса возит муку. Жив.

— Хорошо. — Элиар отпустил рукав и снова взялся за парусину. — Нерса говорит, он рукавицу свою передал. Мальчонке, тому, с чулком. Обещал, говорит.

* * *

У весов на дальнем спуске Сейра накрыла книгу сухим куском парусины.

— Подождите, пока два мешка соли взвесят. Если книга нужна для поиска, сперва назовите, кого ищете.

Позади неё на ящике сидели двое. Морвен узнал Теслена по рукам: на большом пальце под ногтем темнел след от молота. Второй был моложе, широкий в плечах, с мягким лицом. Теслен назвал его Унаром. Между ними лежал отрезок железа, который Теслен принёс сверить с заказом.

Гедан назвал братово имя. Сейра приподняла угол парусины. Нашла последний груз с верхнего спуска.

— В моей книге его нет. За вчерашний вечер вообще мало имён. Запись о последнем рейсе с возом наверх унесли. Подождёшь до следующего, принесут.

— Лодку у отмели видели. Я туда.

— Кто видел?

— Сосед сказал.

Сейра отвела жердь от плеча Морвена и посмотрела на Гедана.

— Сказали тебе или ты видел?

— Сказали. Кто видел, тот тоже там.

Теслен поднялся с ящика.

— На такой лодке тёс возили? Короткая, с латкой у кормы?

Гедан кивнул.

— Я позавчера у кузнеца доску с неё брал, — сказал Теслен. — Короткую, у края два сучка. Вторую он, кажется, у мельницы оставил. Не помню, кто унёс. Лодку я бы у ступени узнал.

Гедан переложил листок в другую руку.

— Ты тогда видел, кто его выше погнал?

Теслен посмотрел на Унара.

— Мы вместе тёс забирали, — сказал Унар. — Потом я к матери ушёл. После тёса лодку не видел.

Он положил железную полосу на весы. Сейра придержала плечо весов, чтобы оно не ударило по столу.

— Если вспомните, я у отмели, — сказал Гедан.

— Он тебе сказал, что видел раньше, — сказал Морвен. — Вчерашний путь он не назовёт.

Сейра взяла сухую завязку и обвязала Геданов листок, чтобы ветром не раскрыло.

— Есть кому весть отнести на ближний берег?

— Сын у кузницы ждёт.

Сейра написала это на отдельном обрезке и положила под весы.

— Тогда в книге напиши, что лодка не вернулась, — сказал Гедан.

Сейра посмотрела на очередь за солью. Двое держали готовые бирки.

— Если про лодку на той же странице напишу, к вечеру скажут, что на переправе и тёс пропал. — Она показала на столб у выхода. — Давай листок там приколю. Все, кто к верхнему спуску идёт, прочтут.

Гедан снова показал ей имя брата.

— Зачем его писать, когда его искать надо?

Сейра ничего не сказала. Унар услышал и сдвинул ящик к стене, чтобы можно было подойти к жерди с той стороны, где видно лицо человека у весов.

* * *

От дальнего сарая к отмели можно было дойти пешком. Кеста осталась спорить с хозяином муки у весов. Она назвала человека, который к вечеру спустится к сараю за пустой корзиной. Если Гедан вернётся до темноты, тот посадит его.

У низкого места дорога раздваивалась. На одной тропе были следы полозьев, на другой лежали сырые сети. За сетями под осокой стоял пустой двор. Женщина у двери сказала, что человек, который ходит у отмели, ушёл к нижним ставкам и вернётся поздно.

— Скажи ему, что я за братом приходил, — попросил Гедан.

Женщина ушла в дом за ключами от лодочной лестницы. Пока её не было, Гедан присел и перевернул круглый камень у двери. Под камнем ничего не было. Он поднял второй, вдавленный в сырую землю. Из-под него вылезла мокрая солома.

— Что ищешь? — спросил Морвен.

— Брат в таких местах крючок железный под камень клал. Маленький, вот такой. — Гедан показал пальцами. — Если лодку где оставлял, а сам уходил. Чтобы с берега достали и знали, куда подойти. Мы с ним так с малых лет делали. Мать нас по крючкам искала.

Он перевернул третий камень. Там тоже ничего не было. Гедан положил камень на место, придавил ладонью, чтобы лёг как лежал.

— Не оставил, — сказал он. — Значит, не думал, что уходит.

Женщина вышла с ключами и сказала, что покажет, где пройти под сетями, а дальше пойдёт сама. Она крикнула с откоса, позвала кого-то по имени. Сверху ударили дверью. Из-за плетня вышел возчик с пустым мешком, увидел Гедана и посмотрел на лодку, которая сохла на подпорках у двора. Гедан сразу выпрямился.

— Это не его.

— Я ничего не сказал.

— А что тогда смотришь?

— Потому что ты про лодку спросил.

На мешке у возчика было клеймо мельницы.

— Утром у дальнего спуска под крайним столбом канат подобрал, — сказал возчик. — Свёрнутый. Мокрый, в грязи. На нём три узла тугих. Я его под весы отнёс.

— С какого борта скинули, видел? — спросил Морвен.

— Не видел. На соседних столбах новые верёвки висят. Эта одна такая.

Женщина махнула рукой на сети, показала, где пройти, и пошла к ограде. Гедан хотел её догнать, спросить ещё раз. Морвен положил ладонь на жердь перед самым его рукавом.

— Она передаст, если встретит. Дай ей дойти.

Гедан посмотрел на ладонь. Морвен убрал руку.

— Когда у ближней мельницы будешь? — спросил Гедан возчика.

— Последним рейсом переправлюсь, если до темноты к весам дойду. Там покажу, где канат.

— Значит, увидимся.

Под сетями оказалось суше, чем у лестницы. Внизу над водой торчали два коротких кола. Между ними когда-то была перекладина. Если к ней привязать лодку, с берега видно только корму. Гедан обошёл низкий кол, придержал рукой мокрую сеть и посмотрел за неё.

— Здесь он мог подойти.

Морвен показал на кромку. Под сетью сохранился след, какой оставляет лодка, когда её тянут через глину. След шёл вдоль берега до старого пня и там кончался. Ямки от шеста не было.

— Прошлой весной брат сюда мать привёз, — сказал Гедан. — Тогда подошли выше. Я ей руку подавал вот отсюда.

Он присел у пня, взял щепку и положил на место. У ближнего дома мальчик сматывал мокрую бечёвку.

— Сюда лодки подходили? — спросил его Гедан.

— Одна. Трое сидели. Двоих я знаю.

— А пустая?

— Пустую я не видел. Про пустую мне человек сказал, что сети у дальнего камня возит.

— Отсюда лодку узнать можно?

Мальчик вытянул руку над сетью.

— Если кормой к берегу, видно только, сколько у неё досок сзади. До передней лавки не разглядишь.

— А тряпицу?

— Я под лавки не смотрю.

Гедан наклонился к воде у кола. Сеть закрывала ему половину причала. Морвен придержал верхний край, пока Гедан выпрямлялся. Сын искал красную тряпицу там, где она могла быть. А человек с берега мог помнить совсем другую лодку.

Наверху крикнули, что к весам подали последнюю лодку. Гедан ещё постоял у того места, где раньше отходили от берега. Морвен поднялся первым и придержал сеть на высоте плеча, пока Гедан проходил.

* * *

Обратно они дошли при слабом свете от весов. Сейра заканчивала считать соль. У неё за спиной Унар удерживал на боку маленький мешок, пока Теслен заправлял под него ремень. Увидев Гедана, Унар убрал руки. Мешок тяжело опустился на доску.

— Ты завтра на ближней стороне сойдёшь? — спросил Гедан Теслена.

— Сойду. Заказчик с мельницы ждёт четыре скобы. Две широкие он заранее просил. Для верхних ворот.

У Гедана на лице ничего не изменилось. Только лист он больше не держал под ремнём. Вынул и положил у весов. Узел на завязке намок. Унар подсунул под неё кончик ножа, но Гедан прикрыл лист ладонью и снял завязку сам. Унар убрал нож.

— Твой заказчик людей у ворот знает, — сказал Гедан. — Сведёшь с ним?

— Скобы у мельницы ждут, — ответил Теслен. — Могу сказать ему, что ты брата ищешь. Что он придёт, обещать не могу.

Возчик пришёл к весам и показал под лавку. Сейра подала ему фонарь. Под лавкой были одни щепки. Канат уже унесли к лодочному сараю вместе с другими найденными вещами.

— Один узел не сплющен был? — спросил Гедан. — Будто на нём нога стояла?

— Я не развязывал.

Гедан догнал его у спуска.

— Покажи мне канат завтра.

Возчик пообещал утром послать за канатом с первой лодкой. Гедан повторил его имя вслух, чтобы Морвен тоже запомнил.

— Тебе на ближний? — спросил гребец у нижней лестницы.

Гедан шагнул к ступени, поставил ногу на тёмный край доски и посмотрел на тропу за навесом. Отсюда отмели не было видно. Если Гедан останется, сын прождёт у кузницы обоих.

— На ближний, — ответил он.

Листок он оставил у Сейры.

— К распискам не убирай. Вдруг утром кто с отмели придёт.

Морвен сел у носа. Гедан сказал только, что с утра будет у верхнего перевоза. Там лодку с железом увидит. Спросит Теслена ещё раз, если так и не встретит возчика.

На ближнем берегу сын уже ждал у камня. Куртка была у него на плечах. Гедан снял с неё налипший прут, оглянулся на лодку и остановился. Морвен думал, что тот снова спросит про отмель, но Гедан повернулся к сыну.

— Завтра куртку к воде не бери. Если дядя придёт, скажешь, где я.

Мальчик кивнул и поднял ворот. Морвен задержался у столба. Писарь при лампе дописывал Гедановы слова о пропаже.

— Оставь две строки, — сказал Морвен. — Одну для того, кто лодку видел. Другую для возчика, который канат нашёл.

Писарь оставил ещё одну, для времени возвращения. Морвен придержал бумагу от ветра.

— Последнюю до утра пустой оставь.

* * *

Иллен в ту ночь сидел у ближних сходней допоздна. Морвен застал его там, вернувшись с дальнего берега. Иллен переписывал набело Гедановы слова о пропаже и пустые строки под ними.

— Что ты с ним делать будешь? — спросил Иллен, не поднимая головы. — С Геданом. Он ведь завтра опять придёт. И не один.

— Не знаю.

— Я знаю, что будет. — Иллен отложил перо. — Он не найдёт брата. Тогда он найдёт кого-нибудь, кто брата знал. И спросит как следует. А другой Гедан, с того берега, у кого тоже кто-нибудь пропал, спросит его соседа. И так до зимы.

— Вааргут бы на это караул поставил.

— Вааргут бы поставил, — согласился Иллен. — И писал бы в книгу, кого где держать. — Он помолчал. — Надо написать другое. Кто может человека остановить. За что. Сколько держать. Кто проверяет. Когда отпускать. Коротко, чтобы гребец запомнил.

— Напиши.

— Я напишу. А кто подпишет? — Иллен посмотрел на Морвена. — Ты? Дейрон? Сами дворы?

— Дворы.

— Дворы, — повторил Иллен и снова взялся за перо. — Ну, тогда это не за ночь.

Морвен оставил его у лампы.

* * *

Утром Морвен шёл к верхнему перевозу берегом и у Нерсиного навеса услышал плеск. Неровный, будто гребли двое и каждый сам по себе. Нерсина лодка стояла у мостков на привязи. На корме сидел Ремек и держал весло левой рукой. Нерса сидела на мостках, свесив ноги, и держала конец верёвки.

Ремек опускал весло в воду и тянул. Лодка дёргалась вперёд, натягивала верёвку и возвращалась. Ремек опускал снова. Правая рука лежала у него на колене.

— Восемнадцать, — сказал он, не оборачиваясь. — Девятнадцать.

— Ты что, всю сотню будешь? — спросила Нерса.

— Всю.

— На привязи?

— На привязи пока. — Ремек дёрнул весло. Плеснуло, брызги попали Нерсе на колени. — Двадцать. Ты не мешай, я собьюсь.

Нерса посмотрела на Морвена через плечо, но ничего не сказала. Морвен остановился у столба. Ремек грёб криво: весло в левой руке уводило лодку вбок, и после каждого гребка он выправлял её, упираясь ногой в борт. Получалось медленно. После тридцатого гребка он остановился и опустил весло поперёк колен. Дышал так, будто пробежал до мельницы.

— Тяжело? — спросил Морвен.

— Весло тяжело. — Ремек вытер лоб тыльной стороной левой руки. — Раньше не замечал, какое тяжёлое. — Он посмотрел на Морвена. — Ты куда с утра?

— На верхний перевоз. Там Гедан брата ищет.

— Гедан, — сказал Ремек. — С кузницы. Знаю. — Он помолчал. — Он брата с малых лет нянчил. Мать у них рано слегла, отец на реке всё время. Гедан его на себе таскал. Весь берег помнит, как он его по крючкам искал.

— Он мне про крючки говорил.

— Ну вот. — Ремек снова взялся за весло. — Ты с ним осторожно. Он не злой. Он когда боится, хватает что ближе. А потом сам не знает, что с этим делать.

— Тридцать один, — сказала Нерса.

— Тридцать один, — согласился Ремек и опустил весло в воду.

Морвен пошёл дальше. За спиной было слышно, как Ремек считает. На сорок втором он засвистел. Сбился, начал снова. Нерса что-то сказала ему, и он засмеялся.

* * *

У верхнего перевоза кричала женщина. Морвен услышал её с дороги. Она просила гребца не отходить, пока ей не скажут, где сын. Гребец уже вынул из воды весло. С него стекало на настил, и каждый, кто подходил ближе, ступал в одну и ту же мокрую выемку.

На лавке лежала связка железных скоб. Под лавкой валялся рукав. Морвен нагнулся поднять его и увидел, что к рукаву ещё пришита половина спинки. Ткань разошлась от ворота до пояса.

— Чьё? — спросил он.

— Моего сына.

Она спустилась к лавке, взяла рукав и стала собирать пальцами нитки вдоль разрыва.

— Сначала Теслена схватили, — сказал гребец. — Тот, что с ним шёл, держал его за плечо, пока их обоих от лодки не потащили.

— За пояс держал, — сказала женщина. — Я с воды видела. Звала, чтобы отпустил, отошёл.

— Как сына зовут?

— Унар. Он думал, отпустят, как разберутся. Мы скобы везли. Спросите, кто заказывал.

Морвен поднял связку. Скобы были разной длины. Женщина достала из сумы тонкую дощечку с четырьмя вырезанными чертами. Приложила к железу и показала, что две скобы шире остальных.

— Это для верхних ворот. Там доска у запора разошлась. Теслен сам заказ у кузнеца забрал, а мой донести помог. Возьмите дощечку. Если у них спросят, зачем они сюда пришли.

У верхнего столба стоял человек от Гедана. Он уже дважды звал гребца поставить лодку ниже и подождать, пока вернут канат. Гребец держал весло поперёк коленей и с места не вставал.

— Вы видели, как их увели? — спросил Морвен гребца.

— Видел, как тащили. Кого ударили, не скажу. Я весло держал, чтобы борт на женщину не понесло.

Мать Унара сняла с рукава короткую сухую щепку и приложила к лопасти.

— Я удар слышала. По дереву. Может, от лавки откололось.

Морвен посмотрел. У лавки торчал такой же сухой конец. Кто-то мог зацепить его утром, а кто-то ещё до того, как привезли железо.

— Ты напишешь, что это у него в рукаве было? — спросила она.

— Захочешь, отнесём вместе к писарю. Я скажу, где поднял рубаху. Ты скажешь, когда видела её целой.

Она прижала щепку к ткани и снова заглянула под лавку. Морвен заметил, что ищет она там уже не дерево. Сложила рубаху так, чтобы ворот был сверху.

— Он сам тесьму по вороту пришивал. Утром, когда скобы грузили, рукав был целый.

Человек у верхнего столба обернулся.

— Это вы про меня?

— А ты у ступени был? — спросила мать Унара.

Человек подумал, отпустил верёвку.

— Выше стоял. Спины видел, слышал, как Гедана звали. Какой из двоих скобы держал, не скажу. Мне велели ждать, пока канат привезут. Мать моя в одном дворе с Геданом живёт. Уйду к писарю, у Гедана потом спросят, куда я делся.

— Скажи при мне, где стоял, — сказала мать Унара. — Дальше сам решишь.

Человек посмотрел на гребца.

— До стола дойду с вами. Если лодку пока здесь оставят.

— Когда Унара позовут? — спросила она Морвена.

Морвен посмотрел наверх. За оградой был виден поворот к сушильне. Он мог сказать, что пойдёт за Унаром сейчас. Он не знал, позволят ли тому выйти.

— Где тебя искать, если ты от настила уйдёшь?

Она показала на лодку.

— До их возвращения я здесь.

* * *

На бревне у ограды сидела Кеста. Она привела смену с Крутого спуска и держала у ног корзину с хлебом, обещанную гребцам. При виде Морвена встала. Корзина ударилась о колено.

— Кто был у жерди? — спросил Морвен.

— Гедан и трое из его двора. Гедан сказал, на том берегу брат пропал. Я спросила, записали ли у Иллена. Он говорит: писарь бумагу вернёт, а лодка уйдёт.

— Куда повели?

Кеста показала на сушильню под огородами.

— Дейрон обещал смену прислать. Двоих. Должны с нижней лодкой прийти.

У сушильни стоял парень с ножом в ножнах. Он поднял руку, когда увидел Морвена, и сразу опустил, узнав. За дверью кто-то двигал лавку. Морвен окликнул обоих задержанных. Ответил только Теслен.

— Унар здесь, на полу. Его у лодки ударили. Говорит, в ушах гудит.

Гедан вышел из-за угла с верёвкой от мешка в руке. Смотрел через плечо Морвена, будто ждал ещё кого-нибудь.

— Выведи обоих, — сказал Морвен. — Сядем у ограды и поговорим о брате.

— Вчера в книге у Сейры его не было. Про лодку говорят, пустая. Заказчика у мельницы я так и не дождался. Эти двое знают, кто брал заказ на верхние ворота. Пусть сами скажут, куда его увели.

— Кто видел его на берегу?

Гедан передал верёвку из руки в руку.

— Гребец видел пустую лодку. Мне сосед сказал. Другой канат нашёл. Как брат из лодки вышел, никто не видел. — Он помолчал. — Я думаю, его с чужой смены взяли. Одного. Одного спросить, откуда он, легче, чем в записи разбираться.

— Ты его сам видел, после вчерашнего?

— Не видел.

— Тогда приведи того, кто канат нашёл. Пусть при тебе скажет, где и когда.

Гедан посмотрел на сушильню. Из-за двери донеслось, как кто-то придвинул лавку к стене.

— Обещанный канат с первой лодкой не пришёл. Возчик уже на смену к мельнице ушёл. Уйду за ним, у двери один парень останется.

— Спроси тех, кто был там, — сказал он потом. — Они своих знают. Если двое к вечеру не вернутся, за ними придут и заговорят.

— Что ты скажешь тем, кто за Унаром придёт?

Гедан перестал перекладывать верёвку.

— Сын опять с дядиной курткой к воде ходил. — Голос у Гедана сел. — Лодку видели пустой. А он всё равно боится, что её не встретят.

Он снял с верёвки сухую соломинку и бросил за порог.

— Вчера я назвал братово имя. Сегодня у стола могли бы спросить, кто лодку видел.

— Спросят. И про этих двоих тоже.

Изнутри Теслен спросил, можно ли открыть хотя бы верхнее окно. Унару душно. Гедан посмотрел на парня с ножом и велел снять задвижку.

— Из чего они пьют? — спросил Морвен.

Парень посмотрел на Гедана. Гедан сказал, что воды можно. Парень вынес кувшин. На дне оставалось на один глоток. Морвен взял кувшин, чтобы наполнить у воды.

Человек, который стоял за Геданом у стены, пошёл от сушильни с пустым мешком на плече. Морвен остановил его.

— Удар видел?

— Нет. Когда я к двери обернулся, Унар уже руку к боку прижимал. У Теслена руки пустые были. Кто железо у воды взял, не видел.

— Писарю скажешь?

Человек посмотрел на мешок.

— У меня дома мука, которую ещё утром забрать обещали. Кто ударил, я всё равно не назову. Скажу, кого у двери видел. После помола зайду.

Он назвал свой двор. Морвен запомнил.

У воды, ниже настила, сидел на камне сын Гедана. Куртка лежала у него на коленях. Он смотрел вверх по реке, туда, где за поворотом была отмель, которой отсюда не было видно.

— Тебе отец велел дома ждать, — сказал Морвен.

— Велел.

— А ты тут.

— Отсюда видно, какие лодки сверху идут. — Мальчик не обернулся. — Из дома не видно.

Морвен присел рядом. Вода у камня шла быстро, с мелкой рябью.

— Отец где? — спросил мальчик.

— У сушильни.

— Он там людей запер. Мне сказали.

— Запер.

Мальчик помолчал.

— Они дядю знают?

— Один брал у него доску. Позавчера.

— Значит, знают. — Мальчик подтянул куртку повыше. — Отец говорит, кто знает, тот скажет. Надо только спросить как следует.

— А ты как думаешь?

Мальчик пожал плечами. Повернул куртку, нашёл место, где не хватало пуговицы, и потрогал пальцем нитку.

— Я думаю, дядя бы не стал никого запирать. Он, когда я у него сеть порвал, даже не ругался. Сказал: порвал, значит, тянул. Тянуть это правильно.

Морвен посмотрел на кувшин в руке. На дне оставался глоток.

— Иди домой, — сказал он. — Если лодка сверху пойдёт, тебе всё равно крикнут.

Мальчик подумал, встал, накинул куртку на плечи и пошёл. Не к дому, а вверх по берегу, к той точке, откуда было видно дальше. Морвен не стал его окликать.

* * *

Нижняя лодка пришла, когда Морвен спускался с кувшином. С неё сошли Дейрон и двое братьев с мельницы. Тевен был старше, шёл первым и нёс через плечо мешок с сухарями. Младший, Ларт, задержался на сходнях: у него опять лезла из сапога портянка. Морвен помнил их по первой общей смене у изгороди. Тогда Ларт тоже поправлял портянку, а Тевен ждал.

— Нас к сушильне, — сказал Тевен Морвену. — Дейрон говорит, там двоих держат.

— Держат.

— Кто?

— Гедан. У него брат пропал.

Тевен кивнул, не удивившись. Ларт наконец справился с сапогом и подошёл. Посмотрел на кувшин в руке у Морвена.

— Им это?

— Им.

— Мало, — сказал Ларт. — Там двое. — Он взял кувшин, спустился к бочке, наполнил до горла и вернулся. Рукава намокли до локтей. Он не обратил внимания. — Так.

Дейрон стоял у жерди и слушал Кесту. Она пересказывала, что видела, коротко и по порядку, как пересказывают рейсы.

— Людей с причала поднимать? — спросил Дейрон Морвена.

Морвен вспомнил голос Теслена из-за двери. Если поднимать людей сейчас, Гедан может снова увести обоих, а Унар до дороги сам едва дойдёт.

— Не надо. Оставь у жерди. К сушильне нужен один, кто ночь простоит. Чтобы никто двоих никуда не увёл. И чтобы Гедан видел, что это наш, а не чужой.

— Я постою, — сказал Ларт.

Тевен посмотрел на брата.

— Ты вчера ночь стоял.

— Ну и что. Ты завтра постоишь.

— Ларта Гедан знает? — спросил Дейрон.

— Все Ларта знают, — сказал Тевен. — Он всем портянки сушит.

Ларт хмыкнул. Тевен снял мешок с плеча, развязал и вынул свёрток в тряпице. Тряпица была завёрнута только с одного края, как заворачивают, когда торопятся.

— Мать дала, — сказал он. — Тебе.

Ларт взял свёрток, развернул край. Хлеб был с надрезом поперёк корки. Мать Тевена и Ларта всегда так метила свой хлеб, чтобы в общей печи не спутали.

— Она мне уже давала.

— Это ещё. Сказала, ты на ночь.

— Откуда она знала, что я на ночь?

— Ты всегда на ночь, — сказал Тевен.

Ларт сунул свёрток за пазуху, не заворачивая обратно, и пошёл с кувшином к сушильне. Тевен смотрел ему вслед.

— Его всё на ночь ставят, — сказал он Морвену, не Дейрону, хотя Дейрон стоял рядом и слышал. — И всё на верхнюю дорогу. Он там с одним с дальнего берега ходит, вдвоём. Тот хороший мужик, у него дочка, он ей всё ложку из липы режет и никак не дорежет. Но двоих там мало. Я говорил.

— Говорил, — сказал Дейрон. — Людей нет. Будут, поставлю третьего.

— Ты всегда так говоришь.

— Я всегда так и делаю, когда будут.

Тевен ничего не ответил. Поправил мешок на плече и пошёл к жерди, где ему велели стоять. Дейрон посмотрел на Морвена и пожал плечами: что я могу.

* * *

Мать Унара поднялась к повороту, когда Ларт уже отнёс кувшин к сушильне. Она несла дощечку заказа, рубаху и корзину. Идти с тремя вещами было неудобно. Рубаху она уже дважды перекладывала из руки в руку. Кеста взяла корзину, подержала, пока женщина оправляла ворот, и вернула ручкой вперёд.

— Писарь посмотрел дощечку? — спросил Морвен.

— Человек от столба со мной дошёл. Сказал, что видел, а дальше его к лодке позвали. Иллен просил меня прийти, когда кто-нибудь к сушильне соберётся.

— Унар жив, — сказала Кеста. — Ударили его. Но жив.

Мать прижала рубаху к животу.

— С кем хлеб передать?

Морвен показал на сушильню, куда ушёл Ларт с кувшином.

— Там теперь наш человек. Через него.

— А ему скажешь, что я у лодки стояла?

— Скажу. Где ты будешь ждать?

Кеста показала на щель между стойками ограды.

— С дороги до окна голосом не дотянешься. А на настиле слышно, когда кто от сушильни по пустым доскам идёт.

Мать выбрала настил. Перед тем как спуститься, она сказала Морвену:

— Он стесняется, когда при чужих его домашним именем зовут. Ты у сушильни сперва полное скажи. Если не ответит, тогда зови, как я.

Она назвала домашнее имя, которого не было у писаря. Морвен повторил его, пока не сказал так же, как она.

— Ещё раз.

Он повторил.

— Вот, — сказала она. — Так.

Когда она в последний раз видела сына вблизи, Морвен спросил уже на спуске.

— Когда Теслен его под мышки взял. Тот, кто меня держал, сказал: твой сам идёт. А я видела, что сапоги волочатся.

* * *

У сушильни Ларт сидел на колоде у двери, рядом с парнем Гедана. Они ни о чём не говорили. Кувшин стоял между ними. Ларт держал руки на коленях, одну поверх другой, пальцы спрятаны под ладонь.

Морвен подошёл к двери.

— Унар.

Тишина. Теслен что-то сказал внутри, тихо.

— Унар, — повторил Морвен.

Ответа не было. Тогда Морвен позвал так, как просила мать. Внутри завозились. Потом Унар отозвался. Голос был хриплый, будто он долго молчал.

— Я тут. Мать где?

— У лодки ждёт. Ты пить можешь?

— Могу. Сам кружку удержу.

Парень Гедана открыл дверь на ширину кувшина. Ларт подал кувшин внутрь, не вставая с колоды. Из темноты его взяла рука Теслена.

— Полный, — сказал Теслен удивлённо.

— Пейте, — сказал Ларт. — Ещё принесу.

Гедан вышел из-за угла. Посмотрел на Ларта, на кувшин, на Морвена.

— Это кто?

— Человек Дейрона, — сказал Морвен. — До утра будет здесь. Чтобы никто двоих на другую пристань не увёз. Ни ты, ни кто другой.

— Я и не собирался.

— Тогда он тебе не помешает.

Гедан посмотрел на Ларта ещё раз. Ларт поднял голову и посмотрел на него в ответ, спокойно, как смотрят на соседа через забор.

— Ты с мельницы, — сказал Гедан. — Твой брат весной у кузницы мне колесо менял.

— Это старший. Тевен.

— Помню. — Гедан помолчал. — Ладно. Сиди.

— Впусти к Унару Сивель, — сказал Морвен.

— Пусть без караула приходит.

— Я дорогу покажу. Сам подожду снаружи.

Гедан согласился. Морвен попросил его никого до утра с места не переводить.

— Утром вернусь. С писарем и с тем, кто за дальний дозор отвечает.

— А если с оружием придёте?

— Сперва приду я один. Покажу, кто идёт следом.

— До утра останутся здесь, — сказал Гедан. — Позови того, кто лодку видел.

* * *

Сивель встретила Морвена у поворота с узким свёртком под локтем. Из свёртка торчал край полотенца. Дейрон шёл за ней до ограды и там остановился. Сивель посмотрела на дверь.

— Матери с ним нельзя?

— Гедан одну тебя пускает.

Сивель поправила свёрток и позвала парня у порога, чтобы тот слышал.

— Мне скажут его имя, а я скажу, может ли он идти. Когда увижу сама.

Она прошла мимо. Гедан приоткрыл дверь, посмотрел, кто стоит рядом с Сивелью, и отступил. Ларт подвинулся на колоде, давая ей пройти, и снова спрятал пальцы под ладони.

От ограды Морвен видел, как мать Унара внизу сложила хлеб в корзину. Она поднялась с ней до поворота и остановилась там, где Дейрон положил вытянутую руку вдоль жерди. Он что-то сказал ей тихо. Она протянула корзину через жердь. Дейрон не взял. Оглянулся на Морвена, и тот пошёл вниз сам.

— Я могу тут положить, — сказала мать. — Когда сын выйдет, пусть знает, что я близко подходила.

В корзине лежал и рукав, завёрнутый в бумагу. Возле ручки под тканью виднелись два яблока.

— Рукав пока у себя оставь, — сказал Морвен. — Хлеб я отнести попрошу.

Она убрала рукав. Кеста махнула парню Гедана. Тот пошёл на её зов, взял корзину и посмотрел через плечо на Гедана. Гедан стоял у дверей и едва заметно отвёл руку от засова. Парень пронёс корзину мимо него и дёрнул плечом, чтобы не зацепиться о косяк.

— Ты видел, как корзина в дверь вошла? — спросила мать Унара.

— Видел.

Она развернулась и спустилась к жерди.

Сивель вышла, когда уже смеркалось.

— Слышит. С опорой несколько шагов пройдёт. Утром приду снова.

— Если он перестанет отвечать, — сказал Морвен Ларту, — зови её раньше.

— Позову, — сказал Ларт.

Морвен спустился к настилу. Гребец отвёл пустую лодку к столбу и ушёл. Мать Унара сидела на лавке у связки скоб и подвинулась, давая место.

— Ему корзину отдали, — сказал Морвен. — Он ответил, когда я позвал. Сам кружку держит. Сивель говорит, с опорой пойдёт.

— На какое имя ответил?

— На твоё.

Она кивнула и стала смотреть на воду.

— Ты сам-то когда спишь? — спросила она потом. — Я тебя второй день вижу. То тут, то на том берегу.

— Высплюсь.

— Все так говорят. — Она положила руку на связку скоб, будто железо надо было придерживать, чтобы не уплыло. — Иди. Я тут. Мне всё равно не спать.

* * *

У жерди на повороте стоял Тевен. Он остановил Морвена, взявшись за жердь,будто она могла уйти.

— Ты к нему?

— К нему.

— Скажи ему, чтоб спать шёл, как сменят. Меня он не слушает. Я старший, мне не положено, чтоб слушали. — Тевен потёр шею. — А тебя послушает.

— С чего ты взял?

— Он тебя с той смены у изгороди помнит. Ты ему тогда про Ремека не ответил. Вернётся ли. Он запомнил. — Тевен помолчал. — Говорит: Морвен не врёт. Морвен молчит. Если Морвен что скажет, значит, так и есть.

Морвен ничего не сказал. Тевен посмотрел на него и усмехнулся.

— Вот. Опять молчишь.

Он отпустил жердь. Морвен поднялся обратно к сушильне и сел на край колоды рядом с Лартом. Парень Гедана ушёл за водой, Гедан с другой стороны сушильни говорил с кем-то из своего двора. Из-за двери было слышно, как Теслен рассказывает Унару что-то длинное и смешное, про кузнеца и козу. Унар один раз засмеялся и сразу охнул.

Ларт вынул из-за пазухи хлеб с надрезом, отломил половину и протянул Морвену. Морвен взял.

— Ремек правда вернулся? — спросил Ларт. — Тевен говорит, видел его у ворот. С багром.

— Правда.

— И рука?

— Правая не держит. Левой всё делает.

Ларт помолчал. Потом вынул из кармана короткую ложку и повертел в пальцах. У ручки были две глубокие зарубки.

— Помнишь? Это он мне сделал. Младшему две, раз за двоих ест.

— Помню.

— Я к нему схожу, — сказал Ларт. — Покажу, что целая. Он, может, и не помнит. Скажет, что за ложка. — Ларт усмехнулся. — А может, помнит.

— Помнит.

— Ты почём знаешь?

— Он всё помнит. Сегодня утром на привязи грёб, левой. Больше сорока насчитал и ни разу не сбился. А потом свистеть начал и сбился.

Ларт засмеялся, тихо, чтобы не слышал Гедан.

— Это он. — Ларт повертел ложку. — Я напарнику своему говорил, тому, с того берега. Он дочке ложку режет, режет и всё бросает: то черенок кривой, то зарубку не там. Я говорю, ты сходи к Ремеку, он тебе покажет, как метить. А он: неловко, человек только вернулся. Я говорю, ему ловко будет. Ему руки занять надо.

— Правильно говоришь.

— Я его сам к Ремеку отведу. После смены. — Ларт сунул ложку в карман. — Вдвоём придём, Ремек не прогонит.

Из-за угла вышел Гедан. Постоял, будто хотел пройти мимо, потом сел на землю у стены, напротив колоды, и вытянул ноги. Верёвку он где-то оставил. Руки лежали пустые.

— Он там смеётся, — сказал Гедан про Унара. — Слышал?

— Слышал.

— А мой где-то… — Гедан не договорил. Посмотрел на Морвена. — Ты бы что сделал? Если б твоего так.

— Искал бы.

— Я и ищу.

— Ты не ищешь, — сказал Морвен. — Ты держишь.

Гедан долго молчал. Ларт смотрел то на него, то на Морвена и не вмешивался.

— Ты на верхней дороге стоишь, — сказал наконец Гедан Ларту. — Мне Тевен твой говорил. Оттуда лодки видно?

— Лодок не видно. Видно, кто по дороге идёт. И кто с дороги к воде сворачивает.

— Если моего увидишь…

— Скажу, — сказал Ларт. — Сразу. Сам прибегу.

Гедан кивнул. Посидел ещё, потом встал, отряхнул штаны и ушёл за угол, туда, где у его людей горел огонь. По дороге постучал костяшками в дверь сушильни. Не громко. Как стучат к соседям, чтобы знали, что ты здесь.

Ларт убрал ложку. Посмотрел на дверь сушильни, за которой Теслен всё рассказывал про козу. Потом в сторону реки, туда, где за огородами начиналась дальняя отмель.

— А этот вернётся? — спросил он. — Брат Гедана.

Морвен не ответил. Ларт подождал, потом спрятал пальцы под ладони и стал смотреть на дверь.

Морвен поднялся и пошёл к писарю, пока двое с ближнего берега ещё могли назвать, кто стоял у жерди, когда от лодки увели людей. У поворота он оглянулся. Ларт сидел на колоде всё так же. Над огородами поднималась луна. Внизу у настила мать Унара сидела рядом со связкой скоб и не уходила.

Глава четвёртая
Книга на столе

Морвен. Ближние сходни и верхний перевоз, двенадцатый и тринадцатый дни после вывоза заложников.

К рассвету Иллен свёл показания с верхнего перевоза. Кеста назвала Гедана и двор, из которого пришли трое остальных. Гребец назвал обоих задержанных. Мать Унара сказала, что с лодки видела, как Унар держал Теслена за пояс, пока их обоих тащили от настила. Разорванный рукав лежал рядом с листом. Писарь попросил её забрать ткань домой, но она отодвинула рукав к чернильнице, чтобы его не задели локтем.

— Повтори, что Гедан сказал у сушильни, — попросил Иллен Морвена.

Морвен повторил. Иллен перевернул лист и оставил место для двоих: того, кто видел пустую лодку у отмели, и того, кто нашёл канат.

— Пусть сами скажут, когда придут. Про самого пропавшего пока никто не говорит, что видел его после того, как он с тёсом вышел.

Кеста разложила на краю стола дощечку заказа. Иллен сравнил четыре черты на дереве с записью. Внизу писарь успел написать: «К верхним воротам».

— Допиши, что заказ человек от мельницы делал, — сказала Кеста. — И что Теслен ему железо в руки отдать должен был. Я этого человека знаю. Он две широкие заранее просил, у его сменщика запор не сходился.

— Можно мне после этого сына забрать? — спросила мать Унара.

Иллен показал ей лист.

— Я могу прочесть это при том, кто у двери стоит. Ночь Морвен своим словом дал. Если Гедан откажется открыть, ему при свидетелях придётся сказать, за что он держит Унара.

— Унар знает, кто скобы делал. Больше ему никто ничего не поручал.

Морвен прижал край листа пальцем. Мать положила дерево под ткань рукава и сложила их вместе.

От дальних сходней подошла лодка. На ней приехал старший дальнего дозора, которого Дейрон просил быть у сушильни. С ним два гребца. Увидев у писаря мать Унара, старший остановился у ограды и снял шапку. Морвен ждал, что он спросит, почему двоих держали всю ночь. Старший не спросил.

За ним с лодки вышла пожилая женщина. Гребец подал ей руку и поднял с лавки глиняный горшок, закрытый деревянной крышкой. Она взяла горшок и понесла сама. Из-под рукава у неё выглянул старый рубец на запястье. Женщина поставила горшок рядом с листом Иллена и сняла крышку. Внутри лежали два клубка льна и кусок воска в тряпице.

— Соседка мне вчера прислала, с мальчиком. Я ей лён носила выпрясть. Сама она больше в лодку не садится.

— Почему? — спросил Иллен.

— Её сына в караул позвали. Велели ей завтра прийти. Мы с ней обе у ворот до утра жаровню топили. Утром его выпустили. А она теперь говорит: на переправе опять людей в уплату берут. — Женщина накрыла горшок ладонью. — Я приехала спросить, кто так сказал.

— Соседка сама тебе сказала?

— Мальчик сказал. Он бы и горшок не донёс, если б на том берегу женщины с вёдрами его между собой не посадили.

— Про сушильню она слышала? — спросила мать Унара.

— Про сушильню я уже на воде услышала. До того знала только, что Гедан брата не нашёл.

Иллен поднял перо.

— Чьё имя писать?

— Моё пиши. Соседкино не надо. И сперва прочти, что напишешь.

Иллен прочёл ей короткую запись. Старший предложил отправить её домой одной лодкой, пока вторая ждёт задержанных. Женщина придержала крышку.

— Я подожду. Если кого опять с лодки снимут, хочу знать, кто остановил.

Она отошла к ступени. Со сходней Иллена окликнул гребец.

— К столу Вааргут идёт.

Иллен накрыл лист ладонью. Мать Унара прижала рукав с дощечкой к груди и сдвинулась к стене, оставляя у стола место ещё для одного человека.

* * *

Вааргут подошёл к писарскому столу с книгой из верхнего караула. Положил её на стол. На обложке засохла глина.

— Вчера выше по реке лодку остановили, — сказал он. — Люди с одного берега забрали двоих с другого. Родные уже пришли за ними. К кому им идти?

— Иллен записал их имена, — сказал Морвен. — Сейчас пойдём к тем, кто их держит.

— Они скажут, что им самим брата не вернули. Если каждый станет брать по человеку, к кому ты пошлёшь остальных? Вы раздаёте муку, Морвен. Этого хватало, пока Кардун держал дальний причал.

Он раскрыл книгу. На двух листах Морвен увидел названия пристаней и места для имён. В левом столбце рядом с названиями стояли числа. Напротив Соляной оставили четыре строки. Морвен помнил, что вчера в этот час у них не хватило одного человека, чтобы принять лодку. Теперь Вааргут мог предложить каждого из своих, если староста согласится отдать ему ключ. У верхнего перевоза чисел было больше. Рядом было указано, где будут держать людей.

На поле, у строки верхнего перевоза, кто-то провёл пером ряд маленьких кругов. Один меньше другого, ровно, как зарубки на мерной палке. Последний был не дорисован, перо оторвали на половине. Морвен смотрел на них и вспоминал полку у запертой двери в доме Вааргута. Круги в пыли, один меньше другого. Пыль между ними никто не трогал. Может, это были смены. Может, лодки. Вааргут перелистнул страницу, и кругов стало не видно.

Мать Унара подняла дощечку.

— А моего сына ты где бы записал?

Вааргут посмотрел на рукав.

— С какого он берега?

Она назвала свой двор. Вааргут провёл пальцем по странице и показал строку у верхнего перевоза.

— Сейчас его надо вывести. Если Гедан хочет ответа с дальнего берега, пусть скажет, кого он там уже спрашивал.

— Так вы его мне вернёте?

Вааргут посмотрел на Морвена. Его ладонь осталась на странице. Стало тихо. Морвен держал правую руку на краю стола. Он видел, что Вааргуту хватило бы одного слова, чтобы позвать стражника от ворот. Тот дошёл бы с приказом до сушильни прежде, чем Морвен успел бы позвать старшего дальнего дозора. Гедан тогда назвал бы имя брата и опять остался у закрытой двери.

— Мы идём туда с тем, кто отвечает за дальний дозор, — сказал Морвен. — Пусть сначала прочтут, что её сын вёз.

Мать положила дощечку на рукав. Вааргут не перелистнул книгу. Он смотрел на строку у верхнего перевоза.

— Я собираю тех, кто ещё готов держать прежний договор, — сказал он. — Дворы с каждого берега дадут людей. Моим караульным. Когда один берег закроет ход, старшие сведут людей к воде и поменяют. До тех пор каждый ждёт там, где его поставили.

— Ты снова поставишь караул у домов?

— У пристаней. Если понадобятся лодки, людей можно будет посадить сразу.

— Когда Ремека оставили ждать, я у твоего стола спрашивал, кто его выпустит.

Вааргут не ответил. Пожилая женщина с горшком подошла ближе. Морвен думал, она захочет уйти, пока Вааргут говорит о карауле.

— Покажи строку, где сына моей соседки могли отметить, — попросила она.

— С какого берега он шёл?

Женщина назвала двор соседки.

— Мне понять надо, когда за мной самой придут. Если старший опять велит до завтра ждать.

Вааргут провёл пальцем по названиям.

— Караул отпускает человека, когда с другого берега приходит встречная весть.

— А ему самому говорят, за кого его оставили? — спросила женщина.

Вааргут посмотрел на неё и отнял руку от книги. Женщина держала горшок на весу, пока Иллен не подвинул к ней лавку.

— Мой сын знает только тех, кто железо принимал, — сказала мать Унара. — Если его опять до чужого выхода оставят, он и на другой день только их назовёт.

Вааргут не ответил ей. Опустил глаза на книгу. На верхнем листе один угол был загнут внутрь.

— Я знаю, где ждал Ремек, — сказал он.

Он сказал это ровно, не громко. Как называют вес. Морвен почувствовал, как у него под ребром стало тяжело, и не ответил.

Гребец, который поднимался со сходней с двумя мокрыми корзинами, остановился у стола.

— Мне за своим человеком можно прийти? — спросил он Вааргута. — Он у причала по старой смене служил. А дома его до помола ждут.

Вааргут повернул книгу так, чтобы гребец видел сторону с пустыми строками.

— Если твой двор обещал, что он на берегу будет ждать, пусть двор сперва пришлёт другого.

Гребец снял с пальца бечёвку.

— У нас и так одного с верхней дороги не отпустили. Не знаем, где искать. — Он посмотрел на пустые строки. — А где у тебя в книге место для того, кто дорогу знает, а стоять там не согласен?

Вааргут посмотрел туда, где лежал рукав Унара.

— У старшего спросишь, кого он примет за твоего.

Гребец свернул бечёвку на ладони. Он мог бы сейчас назвать человека, которого поставят ждать у причала, и заранее получить пропуск. Не назвал. Положил бечёвку в корзину.

— Дома сперва спрошу, — сказал он и ушёл к воде.

Вааргут закрыл книгу, но руку с неё не снял.

— Элиар где ночует?

— Не у тебя.

— Это я знаю. — Вааргут посмотрел за реку, на дальний сарай, которого отсюда не было видно. — У дальнего сарая сыро. Пусть в тепле спит. Ему холодно нельзя.

— Ему никогда не холодно.

— Теперь бывает, — сказал Вааргут.

Морвен вспомнил ступень у дальнего сарая, фонарь и Элиара, который протянул к огню руки и сам удивился. Об этом не знал никто, кроме самого Морвена. Морвен не спросил, откуда Вааргут знает. Не хотел услышать ответ при людях. Не хотел услышать его вообще.

— Скажи ему, — сказал Вааргут. — Пусть ест досыта. И руки бережёт.

Мать Унара смотрела на Вааргута, не понимая, о ком речь. Пожилая женщина поставила горшок на колени.

Морвен придвинул книгу обратно к Вааргуту.

— За пропуск людей не отдам. Если заберёшь кого-нибудь из тех, кого сам велел выпустить, я за ними пошлю.

Вааргут взял книгу под мышку. Писарь отступил от стола. Несколько человек у воды смотрели сюда, но никто не подошёл. Вааргут ушёл вверх по сухой дороге. У ближних ворот Вейн поднялся из-за своего стола, когда Вааргут проходил мимо, и не садился, пока тот не скрылся за поворотом. Потом сел и долго не мог найти, где остановился в тетради.

Иллен поднял перо и подержал над листом.

— Про руки — это он о чём? — спросил он Морвена. — Писать?

— Не пиши.

— Я и не собирался. — Иллен положил перо. — Я спросил, о чём.

— Не знаю.

Иллен посмотрел на него, как смотрел на строку, где чернила легли неровно. Потом снова взялся за лист с показаниями.

* * *

Пока Вааргут стоял у стола, никто за ним не вышел. Когда он миновал ворота, возле лестницы поднялся Нарен, которого Дейрон ждал у мельницы. На нём был старый караульный ремень. Рядом ждал его сын. Отец передал мальчику тесёмку с ключом от дома.

— Отнеси матери.

Он пошёл следом за Вааргутом. Мальчик спустился до ступени, откуда надо было идти к лодке, и сел на камень. Морвен узнал его по тому, как он сжал тесёмку между большим пальцем и ладонью. При первой смене он стоял с отцом у калитки. Они вместе слушали, как далеко от воды слышно кольцо.

Дейрон окликнул Нарена с лестницы. Тот остановился.

— Тебя до вечера у мельницы ждали. Откажешься сейчас, я сменщика ещё успею послать.

— Мне у мельницы всё равно открыть не дадут, — сказал Нарен. — У вас другой старший. Я вчера спросил, кто муку даст, если ночью шесть человек придут. Он говорит: будем считать, когда придут. — Нарен поправил ремень. — А Вааргут знает, сколько нас там. Он всегда знает.

— Я пришлю муку. Скажи, сколько вас будет. Ты сам у мельницы остаёшься?

Нарен посмотрел на сына. Тот не поднял головы.

— Сегодня меня у мельницы не будет. Ключ матери отнеси, раз я поздно вернусь.

Он ушёл за Вааргутом. Мальчик встал, но с места не двинулся.

Морвену хотелось подойти к Нарену и спросить, кому тот обязан местом у мельницы. Пока Вааргут держал караул, верхнего запора никто из дальних не касался. Тот, кто стоял там по ночам, знал, из какого дома ему принесут хлеб и куда бежать, если придёт Кардун. Морвен помнил, из какого двора носили хлеб у мельницы. Пекла жена Нарена. Когда Дейрон звал людей на первую смену, из соседних дворов отозвались только двое.

— Тебе на каком берегу выходить? — спросил Морвен мальчика.

— Мне к мельнице. Мать у печи ждёт.

— Отец вернётся?

Мальчик сжал тесёмку.

— Он сказал, поздно.

Старший дальнего дозора подошёл от ограды. Он услышал, что у мельницы к вечеру может не хватить людей.

— Сам я туда не пойду, пока двоих у сушильни не освободят. Но один мой гребец туда раньше мешки возил. Короткую дорогу от воды знает.

Мальчик посмотрел на тесёмку. Старший не спросил, у кого ключ, и мальчик спрятал его в рукав.

— К сушильне идёт только старший, — сказал Морвен. — Остальные у лодки ждите. Иллен пойдёт с нами.

Мальчик всё стоял на ступени.

— Мать у печи ждёт, ты сказал? — спросил Морвен. — Пойдём, доведу. Нам по дороге.

Им было не по дороге. Мальчик это знал и всё равно пошёл.

Жена Нарена пекла у мельничной печи. Лицо у неё было красное от жара, рукава закатаны до локтей. Она увидела сына, увидела тесёмку у него в руке и сразу всё поняла. Вытерла руки о передник, взяла ключ.

— Поздно, сказал?

— Поздно, — сказал мальчик.

— Он всегда поздно. — Она повесила ключ на гвоздь у печи, рядом с ухватом. — С малых лет за ним ходит. Я за него выходила, он уже ходил. Я думала, отвыкнет. — Она посмотрела на Морвена. — Ты его видел? Как он шёл?

— Видел. Сам шёл. Его не звали.

— Его и не надо звать. — Она открыла заслонку и посмотрела на хлеб. — Его позовёшь, он не пойдёт. А не позовёшь, сам придёт. — Она закрыла заслонку. — Иди. Хлеба надо?

— Нет.

— Возьми. Тебе есть некогда, я вижу. — Она сунула ему в руки горячую лепёшку и отвернулась к печи.

Мальчик сел на лавку у стены и стал смотреть на огонь. Морвен ушёл, держа лепёшку в руке, и только у ограды понял, что обжигает пальцы.

* * *

Они вышли вверх по берегу. Старший нёс шапку в руке. У нижней ограды он остановился.

— Что мне Гедану говорить, если он брата раньше потребует, чем Унара выпустит?

— Назови дома у отмели, где про лодку можно спросить. Про самого человека пока нечего обещать.

— Он скажет, я своих прикрываю.

Иллен вынул лист. У имени Унара было написано, кто узнал его у жерди. У имени Гедана брата было пусто. Старший посмотрел на обе строки и спрятал шапку под пояс.

У поворота Иллен показал Морвену две отметки, которые успел сделать, пока Вааргут говорил у стола.

— В верхнем дозоре обещали утром сменить караул на мельничном спуске. Двое из утренней смены пришли к воротам и спросили, кому теперь служат. Их прислал старший, который раньше слушал Вааргута. Когда следующая смена, никто сказать не мог.

— Пусть у мельницы до вечера будут, — сказал Морвен. — Потом замену пришлём. Запиши, кого ждём.

У сушильни их встретил Ларт. Глаза у него были красные, но он стоял.

— Ночью никого не выводили. Гедан один раз выходил, сидел у стены. Унар под утро стонал, потом уснул. Парень с водой ушёл на рассвете к своим, дверь старшему соседу оставил.

— Тевен тебя сменит?

— Сменит. Он уже у жерди. — Ларт зевнул и тут же прикрыл рот ладонью, будто Гедан мог увидеть. — Я ещё постою, пока вы тут. А то уйду, а вы без меня.

Кеста ждала у ограды. Морвен оставил Иллена и старшего с ней и один подошёл к двери. Позвал Гедана. Тот вышел с пустым кувшином. Морвен назвал, кто пришёл с ним, и только потом позвал обоих от ограды.

— Дорогу к отмели знаешь? — спросил Гедан старшего.

— Знаю. — Старший назвал два дома, где могли остановить лодку, если она пришла без гребца.

— К обоим ходили?

Старший покачал головой.

— Сегодня пойду. Если кто с ближнего берега покажет, где канат нашли.

Гедан поставил кувшин у стены.

— Мои люди место покажут. А двое из сушильни выйдут, когда мне брата приведут.

За дверью кашлянул Теслен. Морвен назвал Гедану имена обоих.

— Кто из них был у отмели?

— Никто, — сказал Гедан. Потом посмотрел на старшего, будто ждал, что тот сам предложит сесть в сушильню вместо них.

Иллен прочитал, кого назвал Гедан и кого ещё предстояло расспросить. На имени первого свидетеля старший перебил:

— Это не тот, что с Ремеком раньше работал?

— Тот самый, — сказал Иллен.

— Его я знаю. Приведу к причалу.

Гедан приоткрыл дверь. Унар сам подошёл посмотреть, кто пришёл. Под глазом расплылось тёмное пятно. Он держал полотенце Сивели одной рукой, другой опирался на косяк. Морвен смотрел, как он переставляет ноги. До воды его теперь можно довести. Силой через дверь пришлось бы пройти мимо Гедана и тех, кто держит дорогу.

— Я обещал к утру вернуться, — сказал Морвен. — Ты их здесь оставил. Унар до лодки сейчас дойдёт только с опорой. Пусть Сивель сперва к нему войдёт.

Гедан кивнул на дверь.

— Сивель впущу. А засов для остальных открою только при том, кто лодку видел. — Он помолчал. — Приведёте его к завтрашнему утру — выслушаю.

Он закрыл дверь.

— У меня до заката трое, — сказала Кеста. — Встанут на дороге. Если Гедан задержанных увести попробует, увидят. После заката их двое Дейроновых сменят.

— И Тевен, — сказал Ларт.

— И Тевен.

Старший снова попросил показать, где искать свидетеля. Морвен повёл его вниз.

За поворотом дорогу пересекли двое с копьями. Одного Морвен узнал. В первое утро Дейрон послал его на дальний берег, и тогда караульный спускался к лодке с ремнём в руке. Теперь он шёл вверх, к верхнему караулу.

— Кто тебя послал? — спросил Морвен.

— Вааргут.

— Когда на смену вернёшься?

Караульный посмотрел в сторону сушильни.

— Вечером мне велели быть при старой книге.

Дом свидетеля стоял выше отмели, у самой дороги. Жена его встретила их у калитки и не открыла. Она держала калитку обеими руками, будто её собирались вырвать.

— Его нет.

— Мы видим, что есть, — сказал старший. Свидетель стоял за её спиной в дверях дома, в одной рубахе.

— Для вас нет. — Женщина смотрела на Морвена. — Там, на верхнем, людей в сушильне запирают. Я слышала. Одного уже до крови. Он пойдёт, а его там оставят. Скажут, ты лодку видел, значит, ты и знаешь.

— Его никто не оставит, — сказал Морвен.

— Ты почём знаешь?

— Я с ним пойду. И обратно приведу.

— Все так говорят.

Свидетель вышел из дверей и положил руку ей на плечо.

— Я сам видел лодку. Я сам и скажу. Пусть они там от меня услышат, а не от соседа через третий двор.

Женщина не отпустила калитку.

— А если не отпустят?

— Отпустят, — сказал свидетель. — Морвен слово дал. Ты слышала.

— Я слышала, — сказала она. — Я и запомню.

Она отпустила калитку и ушла в дом. Свидетель пошёл за курткой. Старший посмотрел на Морвена.

— Теперь тебе его обратно привести надо, — сказал он. — Иначе тебе в этот двор больше не войти.

— Я знаю.

Свидетель вернулся в куртке. Сказал, что придёт к столу утром сам, а сейчас ему надо найти одну вещь, которую он из той лодки взял. Какую, не сказал.

* * *

На обратном пути Морвен завернул к мельнице. Двое из утренней смены, о которых говорил Иллен, сидели на колоде у мельничной стены. Оба молодые, один веснушчатый, с оттопыренными ушами. Копья стояли рядом, прислонённые к стене. На ремнях у обоих были старые караульные пряжки.

— Вы от верхнего дозора? — спросил Морвен.

— От старшего, — сказал тот, что постарше. — Он нам велел сюда. Утром. А теперь его никто не видел, и смены нет. Мы у мельника спросили, кому служим. Он говорит: мне не служите, я муку мелю.

— А вы кому хотите?

Парни переглянулись.

— Как это — хотим? — сказал младший. — Нам велят. Мы с малых лет при караулах. Отец мой при Вааргуте стоял, и дед.

— Сейчас никто не велит.

— Так не бывает, — сказал старший из двоих. Сказал без вызова, просто, как говорят про воду, которая не течёт вверх. — Кто-то всегда велит. Ты вот пришёл, значит, ты велишь.

— Я спрашиваю.

— Ну и спрашивай. — Парень поднял копьё и повертел в руках. — Нам до вечера тут стоять сказали. Мы постоим. А вечером пусть кто-нибудь придёт и скажет, куда дальше. Хоть ты, хоть Вааргут. Нам всё одно.

— Не всё одно, — сказал Морвен.

Парень посмотрел на него внимательно, впервые.

— Может, и не всё. Только ты до вечера сам не знаешь, кто придёт.

Морвен оставил их у стены. Мельник у двери вытирал руки о фартук и смотрел им вслед. Когда Морвен проходил мимо, мельник сказал, не обращаясь ни к кому:

— Хлеб им дам. А остальное сами.

* * *

Ремек сидел на пороге своего дома, когда Морвен проходил мимо в сумерках. На коленях у Ремека лежал кусок сосновой коры, в левой руке был нож. У ног валялась стружка. Кора была толстая, и нож шёл по ней рывками.

— Лодку детям обещал, — сказал Ремек, не поднимая головы. — С верхней улицы. К лету, с парусом. Думал, за зиму сделаю, а я вот.

Он повёл нож. Стружка пошла толстая, кривая. Ремек выругался вполголоса.

— Правой бы за вечер сделал. А левой третий день корму вырезаю. — Он повертел кору, показал Морвену. — Похоже на корму?

— Похоже.

— Врёшь. — Ремек положил кору на колено. — Ладно. Дети не заметят.

Из-за изгороди вышел Ларт. Шёл от сушильни домой, спать, но увидел Ремека на пороге и остановился. Постоял, потом подошёл и сел на нижнюю ступеньку, не спрашивая.

— Это Ларт, — сказал Морвен.

— Знаю я, кто это. — Ремек посмотрел на Ларта. — Ложка цела?

Ларт вынул из кармана короткую ложку и показал. Ремек взял её левой рукой, повертел, провёл пальцем по зарубкам.

— Цела, — сказал он. — Две. Помню.

Ларт засмеялся, первый раз за день по-настоящему.

— Я к тебе одного приведу, — сказал он. — Напарника. С того берега. Он дочке ложку режет, и всё не выходит. Ты ему покажешь, как метить?

— Приводи. — Ремек отдал ложку. — Я теперь только показывать и могу.

— Вдвоём придём. После смены.

— После смены, — согласился Ремек и снова взялся за кору.

— Ты к Вааргуту сегодня ходил? — спросил он Морвена.

Морвен удивился.

— Он сам к столу приходил. Кто сказал?

— Нерса. Ей у воды сказали. — Ремек вёл нож. — Говорят, он книгу принёс. Говорят, сказал, что знает, где я ждал.

— Сказал.

— Ну и пусть знает. — Ремек сдул стружку с коры. — Я тоже знаю, где ждал. Я там сидел. — Он помолчал. — Ты завтра куда?

— К сушильне. Потом к мельнице. Вааргут людей к верхним воротам собирает.

— Если они оттуда выходить будут, — сказал Ремек, — я хочу посмотреть.

— Зачем?

— Посмотреть, как выйдут. Больше ни за чем.

Нерса показалась в двери за спиной Ремека. Посмотрела на Морвена. Он вспомнил, что обещал ей у изгороди: к воротам Ремека не тащить.

— Сам пойдёшь? — спросил Морвен Ремека.

— Сам. Ты меня не веди. — Ремек поднял голову. — Я сам дойду. Позовёшь, когда там начнётся.

Нерса ничего не сказала. Ушла в дом. Ларт сидел на ступеньке, привалившись к косяку, и глаза у него закрывались. Руки он держал на коленях, одну поверх другой, пальцы спрятаны.

— Иди спать, — сказал ему Морвен.

— Сейчас. — Ларт не двинулся. — Тут хорошо.

* * *

Последней лодкой Морвен переправился к дальнему сараю. Элиар сидел на ступени и чинил Оденову уключину: подтачивал ножом деревянный клин. Фонарь стоял рядом, но Элиар к нему не тянулся.

— Ты чего на ночь глядя? — спросил он.

Морвен сел рядом. Посмотрел на воду. Он думал всю дорогу, как сказать, и так и не придумал.

— Вааргут сегодня к столу приходил. С книгой.

— Слышал уже. Тут все слышали. — Элиар не поднял головы. — Говорят, ты ему книгу обратно придвинул.

— Придвинул. — Морвен помолчал. — Он про тебя спрашивал.

Нож остановился.

— Что спрашивал?

— Где ночуешь.

— А ты?

— Сказал: не у него.

Элиар хмыкнул и снова повёл ножом.

— Это он и без тебя знает.

Морвен смотрел на фонарь. Пламя дрожало, торопилось, как всегда рядом с Элиаром. Можно было на этом и кончить.

— Он ещё сказал: у дальнего сарая сыро, пусть в тепле спит. Ему холодно нельзя. Я сказал: ему никогда не холодно. А он: теперь бывает.

Элиар положил нож на колено. Долго молчал.

— Это когда было, что мне холодно? — спросил он наконец. — Пять дней назад? Здесь, на ступени?

— Да.

— Кто ещё видел?

— Никто.

— А он знает. — Элиар посмотрел на свои руки. Повернул ладонями вверх, будто хотел проверить, на месте ли они. — Что ещё?

— Велел тебе передать. Пусть ест досыта. И руки бережёт.

Элиар сжал пальцы.

— Так говорят, когда… — начал он и не договорил.

— Когда что?

Элиар взял нож, клин, повертел их в руках и положил обратно.

— Ничего. Когда заботятся. — Он встал. — Пойду спать. В тепле, раз велели.

Он ушёл в сарай. Морвен остался на ступени. Через некоторое время из сарая вышел Оден, сел на его место и стал доделывать клин, потому что Элиар бросил его недоделанным. Он ничего не спросил. Морвен был ему за это благодарен.

Выше по берегу, над печью, снова стоял белый огонь. Маленький, ровный. Оден посмотрел туда же.

— Каждую ночь горит, — сказал он. — С того раза. Нерса говорит, Тарс его видит из печи и не смотрит. Привык.

— Ты привык?

Оден подумал.

— Нет, — сказал он и снова взялся за клин.

* * *

Наутро свидетель, который видел лодку у отмели, пришёл к столу с обломком багра. Жена пришла с ним, но к столу не подошла: осталась у ограды и стояла там, сложив руки, как стоят у чужой калитки. Свидетель положил обломок рядом с рукавом Унара.

— Это в лодке было. Под бортом. Гедан узнает. Я видел у кузницы, как он крюк к этому древку прикладывал, а брат лишнее дерево снимал.

— Где лежал? — спросил Иллен.

— Лодку у камыша зажало. Я вечером багор забрал, чтобы не унесло. Через день к дальнему причалу понёс. У жерди услышал, что за брата Гедана кого-то взяли, и домой унёс обратно. — Свидетель помолчал. — Я оттуда один приехал. Если покажу, где нашёл, кто со мной вернётся?

— Лодку к корню привязали? — спросил Иллен.

— Нет. Верёвка по воде тянулась. Я сперва думал, сама в камыш села. Обошёл с берега. Внутри обломок. И на днище щепок жёлтых полно. — Он подвинул обломок к Иллену. — Это отдельно запиши. Если Гедан про брата спросит, я только про лодку сказать смогу.

Морвен поднял обломок. Дерево было легче Ремекова багра. У нижнего конца кто-то дважды перевязал старую трещину.

— У сушильни сам отдашь его Гедану, — сказал он. — Дойдём вместе. Тебя первым и выслушают.

Кесту привела Лиэна. Элиар пришёл с Нерсой и встал у ограды, подальше от стола. Лиэна посмотрела на него, потом на Морвена, и подошла к Морвену.

— Ты ему сказал, — сказала она. Не спросила.

— Сказал.

— Про что?

— Про Вааргута. Что тот про него спрашивал.

Лиэна смотрела на Элиара. Тот разговаривал с Нерсой и ни разу не повернулся к столу.

— А про себя?

— Про себя нечего.

— Есть, — сказала Лиэна. Тихо, как говорят про погоду, которую видно с порога. — Я тебя слушала ночью. Ты не спишь. Сидишь и с кем-то говоришь. Не со мной и не с ним.

Морвен не ответил. Лиэна постояла рядом, потом отошла к Кесте.

От дальних сходней поднялся старший дозора. Дейрон встал у стола рядом с ним. Нерса с Элиаром остались у ограды, откуда видели лодки и слышали разговор. Мать Унара сидела на лавке с пустой корзиной и смотрела на дорогу к сушильне.

— На вечер ещё двое нужны, — сказал Дейрон. — У меня люди у мельницы. Приведу их сюда, там один останется.

Кеста провела пальцем по меловому числу на своей дощечке.

— С Крутого спуска двоих дадут. Если им лодку к завтрашнему замесу вернут.

— На одном берегу опять ждут, пока на другом смену найдут, — сказал Элиар от ограды. — Дайте Дейрону общий запас лодок держать. И людей вызывать, куда надо. Завтра он будет знать, где у него двоих не хватает. А не мы будем каждое утро на этой лавке торговаться.

Морвен посмотрел на Элиара. Второй раз за неделю он просил одну руку над всеми лодками. И второй раз эта рука была не его. Элиар говорил горячо, но на Морвена не смотрел.

Со вчерашнего вечера он ни разу на него не посмотрел. Руки держал на жерди, без рукавиц, и сжимал и разжимал пальцы, будто проверял, слушаются ли.

— Лодку на вечер дадим, — ответила Кеста. — Утром она за мукой пойдёт. Кто нас услышит, если вы её ночью ещё куда пошлёте?

— А семью кто услышит, если ей ночью лодка нужна? — спросил Элиар.

Кеста посмотрела на мать Унара. Та сидела так прямо, что корзина почти не касалась её колен.

— Кеста отвечает перед теми, кто ей лодку дал, — сказала Лиэна. — Пусть её дворы могут спросить у обоих старших, куда лодка ушла. И услышать ответ до следующего рейса.

— Оставим одну в запасе на каждую смену, — сказал Морвен. — На эту Кеста свою даёт. Перед следующей дворы скажут, чью дадут. На доске пишите, чья лодка и когда её ждут обратно. До конца смены Дейрон может её послать, где люди ждут помощи. Задержится, утром мы сами скажем, куда ушла, и замену за мукой пошлём.

— Тогда лодка останется, — сказала Кеста.

Иллен вывел имя Элиара ниже имени Нерсы: если Нерсу позовут за раненым, за мукой сядет он. Прочёл оба вслух. Элиар взял дощечку, прочёл час и вернул.

— А если человека опять с лодки снимут? — спросила мать Унара.

До этого она молчала. Теперь поставила корзину у ножки лавки и ждала.

Иллен вынул из-под доски лист, который начал писать три ночи назад, после разговора у сходней. Лист был исчёркан, половина строк зачёркнута, сверху вписаны новые. Иллен подвинул его Морвену. Морвен прочёл про себя, потом вслух, по одной строке, чтобы слышали у ограды.

— Кто остановил, тот должен старшему у причала сказать, за что и куда повёл, — сказал Морвен. — Старший его слова запишет. Старший с другого берега запись проверит, если её до конца смены успеют передать. Семья может жалобу у любого причала подать. Если до конца смены причину не подтвердят, человека отпускаем.

— Это всё? — спросила мать Унара.

— Всё.

— Мало.

— Мало, — согласился Морвен. — Больше пока нечего.

— Кто под этим встанет? — спросил Иллен. — Не я. Я только писал.

Кеста взяла перо первой и поставила под строками знак своего двора, кружок с чертой. Потом старший дальнего дозора, неловко, по-детски сжав перо в кулаке. Потом двое с ближнего берега, которых Морвен знал по мельнице. Дейрон посмотрел на Морвена.

— Ты?

— Я не двор, — сказал Морвен. — Пусть дворы ставят.

Дейрон подумал и тоже не стал ставить. Иллен кивнул, будто так и надо было.

Дейрон спросил, кто на каждом берегу возьмётся проверять запись с другого. С ближнего назвались двое. Старший дальнего дозора назвал одного от себя. Лиэна попросила оставить по копии у обоих причалов, чтобы гребцы могли показывать правила каждому, кого остановят.

— Второй список я сама отвезу, — сказала мать Унара. — Если сын со мной в лодку сядет.

— Где ты хочешь его услышать? — спросил Иллен.

— У весов. Там гребцы за грузом сходят, все дослушают. Сын сам решит, чьи слова поправить.

Старший дальнего дозора снял шапку.

— У весов Сейра будет. Кому лист с ближнего берега отдать?

Иллен написал имя Сейры на обороте копии и оставил рядом место для того, кто примет её при гребцах.

Морвен смотрел на лист. Он лежал на том самом месте, где вчера лежала книга Вааргута. Книга была толстая, в глине, с загнутым углом, и в ней заранее было написано, кого где держать и сколько. Лист Иллена был тонкий. На нём было пять строк, и ни в одной не было сказано, где держать. Было сказано, когда отпустить. Ветер с реки поднимал его край, и Иллен прижал его чернильницей. Морвен подумал, что книгу Вааргута ветер бы не поднял.

* * *

К сушильне Морвен пошёл со свидетелем и старшим. Гедан вышел к ним без верёвки. Взял у свидетеля обломок багра и долго смотрел на зарубку у нижнего конца. Потом перевернул дерево и показал Морвену.

— Я это сделал. Когда старое крепление лопнуло. — Он помолчал. — Там крови не было?

— Я щепки на дне видел, — сказал свидетель. — Крови не видел.

Гедан поставил обломок к стене. Из сушильни слышно было, как Теслен уговаривает Унара встать. Теслен выглянул в верхнее окно. Гедан шагнул в сторону, чтобы тот мог увидеть свидетеля.

— Какие щепки? — спросил Теслен.

Свидетель показал пальцами длину.

— Светлые? — Теслен повернулся к Гедану. — У твоего брата я брал такой же тёс. От него щепки светлые. Такие после починки днища остаются. У кузницы такого тёса не достать, его от мельницы возили.

Гедан поднял обломок и протёр краем рубахи.

— Брат днище перед спуском чинил. Я сам ему тёс таскал. Мог и не вымести.

Теслен кивнул. Морвен ждал, что он теперь спросит Гедана, зачем их держали. Но Теслен отошёл от окна и позвал Унара.

— На повороте у столба передохнём.

Гедан поднял глаза к пустому окну. Потом повернулся к свидетелю.

— Тебе чего стоило сюда с того берега добраться?

— Жену дома оставил. Она думает, меня будут держать, пока я твоего брата не найду.

Гедан молча подошёл к ограде и посмотрел вниз через разлом между досками. Отсюда у настила виднелись обе лодки.

— Я никого за тебя не возьму, — сказал он свидетелю. — Если дальше пойдём, сам скажешь, где искать. Захочешь вернуться, сядешь в первую лодку.

Он приложил обломок к стене сушильни там, где дерево уже расщепилось.

— Ты её отвязал?

— Я борт на пол-ладони оттолкнул, чтобы руку просунуть. Верёвка по воде тянулась. Где конец, не разглядел. — Свидетель посмотрел на старшего. — Когда домой шёл, вода от одного кола уходила. Если сейчас к отмели спустимся, лодка может на сухом стоять. Я и кол покажу, и корень.

Морвен вспомнил, как у сетей Гедан наклонялся к самой воде, чтобы разглядеть, есть ли что под передней лавкой. С открытой воды к лодке можно было подойти. Сухой дорогой пришлось бы идти мимо дворов, которые не знали ни возчика, ни того, кто обещал канат прислать.

— Хочешь, чтобы писарь у лодки весь ход поисков повторил? — спросил он Гедана.

Гедан покачал головой.

— У воды места на двоих свидетелей хватит. Начать с того, что он под кормой нашёл.

Свидетель сжал ремень на том месте, где недавно держал обломок.

— У воды повторите то же самое. При гребце.

За дверью Унар окликнул Теслена.

— Мать где?

— У лодки ждёт, — сказал Морвен.

— Если я сейчас к ней выйду, вы нам дадите отойти?

Морвен хотел сказать, что даст. Посмотрел на Гедана, поставил ногу на край верхней ступени и подождал, пока тот ответит.

Гедан посмотрел на обломок.

— Щепки и место у камыша ещё не говорят, куда брат делся. — Он завернул обломок в сухой конец холста. — Эти про брата ничего не знают. Пусть идут. К его лодке я с вами пойду.

Гедан подошёл к двери. У косяка лежал короткий шнур от мешка. Он отодвинул его сапогом, чтобы никто не задел при выходе.

— Внизу у гребца скобы твои ждут, — сказал он Теслену через дверь. — Хочешь, забери, сам к мельнице отвези.

— Сперва с Унаром до лодки дойду.

Гедан вынул засов. Теслен вышел первым. Унар держался за косяк и щурился на дорогу. Морвен подставил плечо. Унар опёрся, сделал шаг и попросил дальше идти самому. До поворота он шёл, держась за ограду. На повороте ограда кончилась, и Унар прислонился к столбу. Теслен встал рядом. На руках у Теслена остались две грязные полосы от лавки. Когда Унар обернулся, Теслен убрал руки за спину.

— Локоть дай, — сказал Унар.

Они дошли до жерди вместе. Морвен шёл на три шага позади.

У жерди стоял Тевен. Ларт, сказал он, вчера так и уснул у Ремека на ступеньке, Нерса его старым Ремековым плащом накрыла, а утром он ушёл на верхнюю дорогу, не евши. Тевен поднял жердь, пропуская Унара с Тесленом, и опустил за ними.

За жердью стоял парень Гедана, тот, что носил хлеб. Увидев Унара, он поднял яблоко, которое забрал с подоконника сушильни.

— Твоё.

— Я своё у окна съел, — сказал Унар. — Это, наверно, Тесленово.

— Отдай его матери, — сказал Теслен. — Я хлеб съел. Остальное пусть домой везёт.

— Она ведь не из-за яблок пришла, — сказал парень.

Он передал яблоко Теслену, подумал, взял жердь у Тевена и сам отнёс её в траву, чтобы на проходе ничего не было.

У сходней мать встала навстречу сыну. Хотела надеть на него плащ, но он придержал её руку и показал, где на рукаве рубахи осталась кровь. Мать сложила плащ в корзину. Так они и сошли к лодке, не выпуская друг друга из виду. Теслен положил связку скоб под лавку и сел рядом с Унаром.

— Широкие сам к мельнице отвезу, — сказал он гребцу. — Заказчик пусть их к верхним воротам несёт. Я туда не пойду.

Морвен держал борт, пока мать устраивала корзину между ног.

— У дальнего писаря пусть нам этот лист прочтут, — сказала она. — Пока не забрали.

Унар кивнул. Гребец взялся за весло.

Гедан спустился к воде со свидетелем и старшим, когда лодка с Унаром уже огибала выступ. Обломок он нёс завёрнутым в холст. Попросил у Кесты второй свободный борт, если на месте окажется, что брат далеко от воды.

— Вечером мой борт в запасе у Дейрона, — сказала Кеста. — Сейчас со старшим переправься. От дальних сходней пешком дойдёте. Понадобится лодка, дайте знать от дома у отмели.

Из-за ограды выбежал сын Гедана. Куртка была у него на плечах. Он остановился в трёх шагах от отца и ничего не сказал. Гедан посмотрел на него.

— Сказал же, дома жди.

Мальчик не двинулся.

— Ладно, — сказал Гедан. — Садись. Только в лодке сиди и не вставай. Тряпицу свою покажешь, если найдём.

Мальчик сел на носу, прижав куртку к груди.

— Ты его обратно приведёшь? — тихо спросил Морвен свидетеля.

— Я сам дойду. — Свидетель посмотрел на свой двор на том берегу, которого отсюда не было видно. — Ты ей только скажи, если раньше меня увидишь: я сам пошёл. Никто не вёл.

* * *

Когда лодка Гедана отошла, снизу пришёл человек с мельницы.

— Двое, которых на вечер ждали, к верхним воротам собрались. За копьями пришли. Говорят, Вааргут всех собирает, кто прежний договор держать готов. Сторож просит до темноты замену прислать.

Дейрон снял с гвоздя дощечку со сменами. Нашёл двоих, которых обещала Кеста.

— Кто их до мельницы довезёт?

Нерса подняла руку. Дейрон поручил ей забрать их у Крутого спуска. Старший дальнего дозора позвал своего сменщика и велел ему остаться у воды до следующей лодки.

Морвен посмотрел вверх. За оградой ещё виднелись последние телеги с ближнего причала. Верхние ворота были дальше, за мельницей. Над ними поднимался дым из сторожки, которую давно не топили.

Лиэна стояла у жерди рядом с ним. Она смотрела туда же.

— Там сегодня никто спать не будет, — сказала она.

— Откуда знаешь?

— Я вчера ночью слушала. Там никто не спал. Ни один. — Она помолчала. — И у него в доме тоже. Только у него по-другому. У других слышно, что не спят. А у него тихо, будто там никого нет. А лампа горит.

Морвен вспомнил лампу в окне Вааргута, которая горела днём ровным пламенем.

— Иди к мельнице, — сказал он посыльному. — Скажи, что смена будет. Я приду с ней.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.